михаил кокшенов

апельсинчики, витаминчики...

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Воспоминания советского и российского актёра театра и кино Михаила Михайловича Кокшенова, снявшегося более чем в 100 фильмах.

- Михаил Кокшенов
  - Мой друг Михаил Кокшенов
  - От автора
  - Детство
  - Родители
  - «ЩУКА»
  - Театр Маяковского
  - Мотыль
  - Олег Даль
  - Театр Миниатюр
  - Гайдай
  - Пуговкин
  - Апельсинчики, витаминчики…
  - Тимофей Левчук
  - Театр Киноактера
  - Савелий Крамаров
  - Фитили и Ералаши
  - Наталья Крачковская
  - Аркадий Инин
  - Заграница
  - Русский бизнес
  - Русское чудо
  - Круиз-фильм
  - Мосфильм
  - Ленфильм
  - Русский счет
  - Анатолий Эйромджан
  - Русский ковбой
  - Спорт
  - Личное
  - Серьезно о кино
- Рассказы
  - Автограф
  - Открыли
  - Новая схема
  - Почем!
  - Мяч

    - Рекорд
    - О пении
    - Амплитуда
    - Интервью
    - Еще раз про эмоции
    - Матриархат
    - Лотерейный билет
    - Борода
    - Одной левой
    - Человек все может
    - Коньки
    - Сапоги
    - Жертва
    - Жуткий случай
- Список фильмов

Михаил Кокшенов
Апельсинчики, витаминчики…

Мой друг Михаил Кокшенов

«Есть много на свете таких лиц, над отделкою которых натура недолго мудрила, не употребляла никаких мелких инструментов, просто рубила со всего плеча, хватила топором раз — вышел нос, хватила в другой — вышли губы, большим сверлом ковырнула глаза…» Это Гоголь написал про Собакевича. Потому что Гоголь не знал Кокшенова.

А вот если бы Гоголь знал Кокшенова… Его нос, глаза, губы… Но вдруг на этих губах появляется улыбка! Добродушная и простодушная. Простоватая и хитроватая. Появляется улыбка, и — только что был Соловей-Разбойник, а вот уже — родимый Иванушка-дурачок.

Кокшенов знает обезоруживающую магию своей улыбки. И пользуется ею со страшной силой. Но исключительно в мирных целях.

Народный артист Михаил Кокшенов — любимец народа. Его обожают милиционеры и официантки, проводники и кассирши, водители грузовиков и медицинские сестры… Я не раз был свидетелем, как в советские времена всеобщего дефицита достаточно было одной его улыбки, чтобы мгновенно и безотказно обнаруживались гостиничные номера, которых «нет», и освобождались ресторанные столики, которые «заказаны», возникали продукты, которые «проданы», и появлялись билеты, которые «бронированы»… Да, не было и нет такой брони, которую бы не могла пробить улыбка Кокшенова!

Только, не дай Бог, не толкуйте всё это как ловкое умение благоустроить себя. Нет, это — бескорыстное стремление помочь своим товарищам и общему делу. Он с легкостью необыкновенной получает билеты и номера, останавливает поезда и отправляет самолеты, перекрывает улицы и добывает бронемашины с одной лишь целью — чтобы снималось кино.

А может, я не с того начал? Может, надо было начать с тех давних времен, когда он еще не был кинозвездой, а был начинающим автором, и в самых разных юмористических изданиях радовались его остроумным и неожиданным миниатюрам. Многие из них вы прочтете в этой книге.

Или, может, наоборот, следовало начать с гораздо более поздних времен, когда он — уже звезда — ощутил недостаточность только актерского творчества и занялся еще сложнейшим делом кинорежиссуры. Результат — парадоксальные комедии «Русский бизнес», «Русский счет» и «Русское чудо», которые собрали множество зрителей в кинотеатрах и не сходят с

экранов телевидения. Рассказы о его работах вы тоже прочтете в этой книге.

Или, может, надо было писать вовсе не о работе? А о том, какой Мишка классный мужик, крутой спортсмен, русский богатырь. О том, как Михаил нежно-суров и ласково-строг со своей женой — прекрасной Еленой и дочкой Машей. О том, как Михал Михалыч любит Гришу — кобеля ужасающих размеров, жуткого монстра, которого он холит, лелеет и нянчит, словно малое дитя. Фото пса-балбеса вы увидите в этой же книге.

А может быть, вообще стоило начать…

Впрочем, с чего начать эти заметки и чем их закончить, не имеет никакого значения. Ведь всё равно и то, и другое, и третье это всё — о нем, и всё это — он.

Артист, режиссер, литератор. Мой друг Михаил Кокшенов.

Аркадий Инин

От автора

Когда ты молодой, то кажется, что время тащится очень медленно, и ты с нетерпением ждешь каждого следующего дня, ожидая от него каких-то чудес, новых свершений и торопишь, торопишь время.

Теперь, когда жизнь летит стремительно и уже не днями, а годами, то хочется хоть на минутку остановится и вспомнить, оглянувшись назад, то время, которое называется — МОЛОДОСТЬ!

Вспомнить о дорогих моему сердцу родителях, о товарищах и просто о времени, которое уже никогда не вернешь, но которое всегда со мной. Хочется вспомнить о безвременно ушедших друзьях. Хочется рассказать об учителях и коллегах, которым ты безмерно благодарен за те годы, а иногда и минуты общения, оставившие в моей душе неизгладимый след.

Хочется вспомнить и рассказать о театрах, киностудиях и картинах, в которых приходилось работать.

Хочется рассказать о тех странах и городах, в которых удалось побывать и работать благодаря самому для меня великому искусству на свете, самому великому таинству — КИНО!

Детство

Я — коренной москвич. Родился в Замоскворечье, аж напротив Кремля, на Софийской набережной. Можно гордо сказать — прямо в сердце России.

Домишко, правда, был, неказистый; его сейчас снесли, так что мемориальная доска мне не светит. Комнатенка тоже была паршивая, всего лишь девять метров, а нас было четверо — мама, бабушка, я и дворняжка «Чижик».

Зато место какое! На берегу Москва-реки и Кремль в твоем окне. Нет — вру. Кремля в окне не было, потому что окна были под потолком и в них был виден только кусочек неба. Но я точно знал, что у меня за окнами — Кремль, и это сильно действовало на мое мальчишеское воображение.

С детства меня тянуло во всякие исторические и археологические кружки. Мы с моими школьными товарищами исследовали все подвалы на набережной, ища подземный ход в Кремль.

Однажды нашли лаз в склад сухофруктов и, съев мешок немытых сухих груш, все угодили в Морозовскую детскую инфекционную больницу на две недели.

Как-то раз, дворник, обнаружив, что мы разбираем пол в подвале, запер нас и велел нам все привести в порядок. И мы, рыдая, до полуночи восстанавливали этот пол, хотя точно знали, что находимся на верном пути.

Кстати, этот ход, говорят, до сих пор не нашли!

Позже, мы с моим дружком — Володей Леоновым, занимались в кружке при Историческом музее. И я мечтал там, что буду или археологом, или историком. Но жизнь распорядилась иначе. Хотя, несмотря на это, я верен своим детским увлечениям, и в любой стране, да и в любом городе меня всегда тянут к себе крепости, замки и подземные ходы. Там я опять становлюсь тем же мальчишкой с Софийской набережной.

Учился я в школе № 5. Без девочек, тогда учились раздельно. Школа находилась далеко от дома, почти на Добрынинской площади. Я добирался до школы полчаса, правда, можно было подъехать на девятнадцатом трамвае, который ходил по Полянке. Но после неудачного прыжка с двойным кульбитом в сторону противоположную движению, я предпочитал пешие переходы. Эта привычка — ходить пешком, осталась по сей день. Могу часами бродить по Москве, зная её всю наизусть. Особенно люблю Бульварное кольцо в любое время года. Это для меня — лучший отдых!

Но, в те далекие мальчишеские годы, проход по утренней Москве был для меня пыткой. Учился я плохо. Школу не любил. Маму часто туда вызывали. После таких вызовов, она грозила перевести меня в ремесленное училище, по-нашему — ПТУ. Угрозы не действовали. Я каждый раз обещал, что больше не буду, но ухитрился остаться на второй год в пятом классе.

Школа у нас была семилетняя. Окончив ее со скрипом и получив аттестат, или как он там назывался, я понял, что детство кончилось.

Что больше всего я любил в те годы? Конечно же кино! Рядом с моим домом было два кинотеатра — «Заря» и «Ударник». Я не пропускал ни одного нового фильма, а некоторые смотрел по нескольку раз. Еще я любил ходить в клуб «Мосэнерго». Там шли трофейные фильмы — немецкие, американские, французские. Они-то и сбили меня с панталыку, погрузив в нереальный мир кино. Я часто придумывал продолжения этим фильмам, писал в уме сериалы и, конечно же, всегда был их участником.

А летом мама отправляла меня в пионерский лагерь. О нем у меня воспоминания смутные: какие-то линейки, горны, военные игры. Помню, однажды из пионерлагеря «Быково» я сбежал, но в тот же день мама привезла меня назад, так как там было сытнее.

Общественной жизнью в школе и лагере я не занимался, не дослужился даже до звеньевого.

Веселое.

Помню, в детстве, ранним летом, в Парке Культуры им. Горького купались мы с ребятами в фонтане «Девушка с веслом» без трусов, а сторож собрал все трусы и повел нас таких в милицию. Это было, наверное, красиво — такая голозадая колонна с прикрытым руками срамом.

Грустное.

Мне горько вспомнить, что полуголодная жизнь моих сверстников — девчонок и мальчишек тех лет — называлась «счастливым детством».

Родители

Отца мы потеряли рано, вернее, нам помогли его потерять. Об этом говорить не хочу, потому что правды все равно никогда не узнаю.

Мама осталась одна и уже больше никогда не выходила замуж, полностью посвятив себя мне.

Мама моя родилась в городе Либаве, тогда он назывался порт им. Александра III. Это была военная база русского флота. Мой дедушка — Василий Борисов, служил на флоте инженером-механиком. Дедушка закончил Кронштадтское военное училище. После революции дедушку перевели с семьей во Владивосток.

Там же, во Владивостоке, мама моя познакомилась с моим отцом — Кокшеновым Михаилом Михайловичем. Владивосток для мамы был самым лучшим городом в мире. Она могла о нем рассказывать часами. Я сам был во Владивостоке несколько раз и с интересом ходил по тем местам, которыми восхищалась мама. А потом моего отца перевели в Москву на повышение. Но наступил 1937 год, и мама осталась одна, вернее со мной.

Маме было очень тяжело, потому что она ничего не умела и к тому же не имела никакой профессии. Сначала была за родителями, потом за мужем. Приехала в Москву, надеялась поступить учиться, но… Она хваталась за разную работу, а тут, вдобавок, грянула война.

Как пережили мы войну — не знаю, наверное так же как миллионы россиян.

После войны я пошел в школу, а летом мама отправляла меня в пионерский лагерь и работала сверхурочно. Мама хотела, чтобы я получил какую-нибудь твердую профессию. А я сам не знал кем хотел быть — то историком, то моряком как дедушка. Но потом взял и поступил после седьмого класса в Геологоразведочный техникум, почти как отец. Он был горным инженером.

Проработав геологом всего лишь год и уже дослужившись до «и.о. инженера», я все бросил и подался в артисты. Мама была, конечно, в ужасе! Все ее мечты о моей крепкой профессии рухнули в одночасье, а когда я взял и поступил в театральное училище им. Щукина, мамина мечта затеплилась вновь.

На день рождения мне мама всегда дарила книги, а на совершеннолетие подарила аж энциклопедию в десяти томах! И мне кажется, что кроме книг у нас дома ничего не было.

Мама читала запоем, бабушка читала запоем, я читал запоем. Только Дворняжка «Чижик» ничего не читала, а только просила жрать.

Сейчас, когда, мамы не стало, я вдруг стал замечать, что узнаю в себе многие ее черты. Генетика!

Веселое.

Когда, я стал сниматься в кино и прилично зарабатывать, маму это не радовало, и она говорила: «Миша, ты поосторожней!»

Грустное.

Только потеряв маму, я стал думать, что если бы вернуть все назад, то я был бы самым нежным и ласковым сыном на свете.

Но ведь не был же!

«ЩУКА»

Когда я стал работать геологом, то очень скучал о своей техникумовской самодеятельности. А какая самодеятельность у геолога? Вся экспедиция — 3–4 человека, так что — сам играй, сам смотри, сам хлопай!

Работал я в Смоленской области, разведывал белую глину. А там этой глины — ноги не вытащишь. Поразведывал, поразведывал я и решил поехать в Москву, поступать в театральный институт. Один бывалый человек посоветовал мне поступать сразу в несколько институтов: «Куда-нибудь да и проскочишь». А их в Москве вон сколько: Щукинское и Щепкинское училища, училище при МХАТе, ГИТИС и ВГИК. И вот по всем по ним я носился, и когда последний оборот сделал, то узнал, что никуда не проскочил.

Я опять уехал разведывать полезные ископаемые, на этот раз гранит, на Урал. Но уехал я с твердой уверенностью, что буду поступать только в театральное училище имени Щукина.

Через год я стоял опять в вестибюле Щукинского училища в очереди на прослушивание, но на первом прослушивании опять срезался, но не отчаялся, а так как прослушивание проходило в нескольких аудиториях, то я пошел в другую. И, о — счастье! Меня допустили до первого тура. А дальше гладко прошел весь конкурс и стал студентом. После этого случая я понял, что в нашем деле нужно быть очень настырным — если меня выгоняют в дверь, я всегда лезу в окно.

Щукинское училище для меня — это олицетворение всего радостного, светлого, связанное с самыми лучшими воспоминаниями, с самыми прекрасными ощущениями, в общем — все самое, самое, самое!

Когда я поступил в «Щуку», его заканчивали — Андрей Миронов и Александр Збруев, Александр Белявский и Вениамин Смехов, Зиновий Высоковский и Людмила Максакова. А на младшем курсе учился будущий костяк театра на Таганке.

В «Щуке», как и в любом институте, было много разных дисциплин: всякие там истории костюмов, театров, литератур, а также экономика и даже история КПСС. Но все эти предметы не стоили ничего по сравнению с одним предметом, который назывался — мастерство актера.

Моими педагогами были — Шехматов Л. М. и Львова В. К. На первом курсе, когда мы в основном занимались этюдами, меня тянуло на производственную тематику. Я строил на сцене шахты, штреки — из своей прошлой геологической жизни, а Вера

Константиновна Львова подкалывала меня: «Миш, если Вам так нравится эта профессия, что же Вы ушли из нее?» Но я, честно говоря, в тайне, и не уходил из этой профессии. Летом, во время каникул, я ездил и подрабатывал проходчиком в геологоразведочной экспедиции.

На втором курсе «Щуки» мы, почти всем курсом, начали сниматься в кино. Первым массовым фильмом был фильм — «Увольнительная на берег». В главной роли снимался Лева Прыгунов. Он был уже выпускником Ленинградского театрального института, а мы — второкурсники-шабашники. И вообще, кино сильно подкармливало студентов. Помню весь наш курс снимался в фильме «Девять дней одного года». Меня не взяли, сказав, что на физика я не тяну. В институте я никак долго не мог определить свое амплуа. Меня все тянуло на героев, но играть их я почему-то стеснялся или, как говорят профессиональным языком — зажимался. И в поисках этих героев, совсем обнаглев, играл даже графа Альмавиву из «Женитьбы Фигаро». Играл в состоянии, приближенном к обморочному. Замахивался также на Печорина, но Бог уберег! А в Щукинском училище была такая традиция — играть самостоятельные отрывки, т. е. то, что тебе нравится, и я, отчаявшись искать своего героя, написал сам себе собирательный образ сельского парня. Отрывок назывался «Коммуна». Это был рассказ о деревенском парне Феде, который далеко не герой, но и далеко не дурак. И попал! С этого Феди началось мое становление актера. Мы с моим партнером по этой работе, Виталием Красновым, ныне артистом театра имени Гоголя, объездили сотни концертных площадок в Москве и других городах. И мне кажется — это самое главное для будущего актера — найти себя, свое амплуа, еще в театральном училище для того, чтобы придти в театр уже крепким артистом, знающим свои возможности. Конечно бытует мнение, что хороший артист должен быть синтетическим артистом, т. е. уметь играть все, но это только в идеале. Ведь не зря в русском дореволюционном театре существовали точные определения амплуа актеров — герой-любовник, простак, комик, а сейчас это как-то забыли, а зря!

После окончания института именно по этим качествам берут в театр. Я, помню, «показывался» — это наше профессиональное слово, сразу в несколько театров: в театр Маяковского, Пушкинский театр и театр Советской армии. И всюду меня брали, но я пошел в театр Маяковского. Больно мне там нравился и репертуар, и место, где он находится — посредине улицы Герцена. Помню, что автобус № 6 ходил от моего дома, с

Софийской набережной, аж до самого театра.

Дипломный спектакль в «Щуке» ставил В. А. Этуш, нынешний ректор училища. А в те годы ректором был Б. Е. Захава, потрясающий человек, педагог и, вообще, огромная личность. Человек большого авторитета. Потрясающе читал лекции о театре. Его все боготворили и я в том числе по сей день.

На последнем курсе я попал в первый свой фильм — «Председатель», который снимал Алексей Салтыков. Там у меня была небольшая роль сына кузнеца — Миши Костырева. Снимали мы под Серпуховым целый год. Тогда фильмы снимались долго и хорошо. И когда сегодня фильм «Председатель» показывают по телевизору, я всегда вспоминаю эту работу в кино.

В щукинском училище находилась также оперная студия при московской консерватории. В ней учились петь такие же студенты как и мы, только с вокального факультета. Интересно то, что они были все постарше нас, потому что, говорят, вроде, в молодом возрасте голос не устанавливается. Каждый год шли четыре оперы: «Евгений Онегин», «Севильский цирюльник», «Царская невеста» и «Снегурочка». Мы частенько заходили в зал посидеть-послушать. Через два года я знал все партии наизусть, и женские, и мужские. Особенно мне нравился «Севильский цирюльник». Партию Фигаро исполнял тогда известный в дальнейшем певец Большого театра — Евгений Кибкало. Мне кажется, это было хорошей творческой подпиткой для нас — будущих артистов.

Веселое.

Рядом со «Щукой» на Арбате находилась шашлычная. Это было любимое место нашего отдыха. Вся стипендия оставалась в этой шашлычной. Поэтому её называли «Пылесос».

Грустное.

В щукинском училище есть традиция. Каждые десять лет, в день юбилея училища, собираются выпускники, окончившие его 10, 20, 30 лет назад. Наш курс собирается тоже, но народу все меньше.

Театр Маяковского

После окончания «Щуки» я поступил в академический театр имени В. Маяковского. Хотя нет, вру, «академический» ему присвоили при мне. Помню торжественную церемонию присвоения звания театру лично министром культуры тех дней — Е. Фурцевой. По моим сегодняшним понятиям у нее тогда был вид современной новорусской дамы. Для меня, и я думаю для всей труппы театра, это было сверхторжественное и сверхрадостное событие. А руководил в то время великий, правда, уже уходящий, Николай Охлопков. В театре был огромный культ личности Охлопкова, но не бессмысленный и подхалимный, а уважительный, непререкаемый и заслуженный.

Охлопков очень любил молодых высоких артистов и набирал себе подстать, потому что сам был высокий, прямой, даже в те годы.

Я пришел в театр, когда там начинали расцветать такие артисты как А. Лазарев, И. Охлупин, С. Немоляева, Е. Лазарев и другие. Так же там было замечательное старшее поколение — Я. Свердлин, Е. Самойлов, М. Штраух, А. Ханов, Е. Козырева, М. Бабанова.

Я сидел в гримуборной вместе с Анатолием Ромашиным, и он мне говорил: «Ты здесь долго не задержишься. На этом месте сидели Е. Бурцев, М. Казаков и никто их них больше двух-трех лет в театре не работал». И он оказался прав. Ровно через три года я ушел из театра в кино. Я очень мучился, боялся уходить из театра насовсем. Я так прирос к нему, что не видел без него будущего, хоть и сыграл то я совсем немного ролей, в основном замены или как у нас говорят — вводы. А новых ролей мне не досталось, да и три года — это мизерный срок для работы в театре. Мне не хватает его и сейчас. У меня в глазах всегда стоит его сцена, гримуборные, коридоры и, мне кажется, есть даже какой-то запах театра имени Маяковского. После этого я поработал и в других театрах, но это было совсем-совсем другое!

Я утешал себя мыслью, что ухожу не просто на улицу, а в кино, на одну из главных ролей в фильме В. Мотыля «Женя, Женечка и «катюша». Моим партнером по фильму был Олег Даль — выпускник Щепкинского училища с параллельного курса.

Вообще в те годы на экран одновременно хлынули молодые актеры одного поколения — О. Даль, В. Соломин, В. Павлов, М. Кононов, В. Золотухин, Б. Хмельницкий, Л. Чурсина. Все мы бродили их фильма в фильм. Некоторые оставались в театрах, некоторые уходили, меняли театры, но все пришлись ко двору

кинематографа тех лет. Некоторые и сейчас на экранах, но, к сожалению, с каждым днем все реже.

С гастролями театра Маяковского я изъездил много городов, притом театр предпочитал гастролировать только в столицах. И всюду оперные театры на две тысячи зрителей и всюду «биток». Зимой, в январе театр выезжал в Питер на десять дней. И сейчас, когда я приезжаю туда, то вспоминаю Питер моих далеких театральных лет.

Сейчас театр Маяковского совсем другой. Другая труппа, да и вообще говорят, что закон театра — обновляться каждые двадцать лет почти полностью.

По прошествии лет, я начинаю понимать, что жесткий театральный механизм с его строгим графиком, репетициями, прогонами — не для меня. Вот быстротечное кино — мне более интересно. Встреча с каждой новой ролью в кино, это для меня праздник! А в театре мне просто не пришлось испытать этих праздников. Так уж сложилась судьба.

Веселое.

Помню в спектакле «Золотой конь» я играл ворону, сначала четвертую, без слов, а через три года я уже вырос до первой вороны. У меня было семь фраз плюс карканье.

Грустное.

Когда я уходил из театра Маяковского на съёмки фильма «Женя, Женечка и «катюша», то оформлял отпуск за свой счет на шесть месяцев и говорил всем друзьям: «Скоро вернусь, скоро увидимся, время пролетит быстро!» А оказывается ушел навсегда.

Мотыль

Судьба фильма «Женя, Женечка и «катюша» В. Мотыля уникальна. Фильм, снятый 30 лет назад, и втоптанный сапогами чиновников от кино в грязь, через 30 лет возродился и стал считаться одним из лучших фильмов об отечественной войне. Вот уже несколько лет, на 9 мая — великий праздник Победы, он — всегда на экранах. И самое удивительное, что некоторые зрители, посмотрев его впервые, думают, что это — новый, снятый недавно фильм.

Я уверен, что Владимир Яковлевич Мотыль, снимая этот фильм, опередил время, дав ему абсолютно современное звучание, как по форме, так и по содержанию. И вообще Владимир Мотыль — редкой судьбы режиссер. Ну назовите еще одного режиссера, который получил бы более чем заслуженную премию через много-много лет. А он ее получил лишь в прошлом году за любимейший фильм российского зрителя — «Белое солнце пустыни». Но «Женя, Женечка и «катюша» был снят раньше «Белого солнца пустыни» и немного попал в тень этого фильма, а сейчас кажется он приблизился по популярности к «Белому солнцу». Народ его знает!

Эх, было бы это тогда, много лет назад! Как бы сложилась судьба актеров и режиссера фильма? Но тогда балом правили конъюнктурщики. В. Мотыль был и остается наивным первоклашкой, для которого нет компромиссов. Высочайший идеалист, снявший за 40 лет всего лишь 7 фильмов. Но все эти фильмы рождались в таких муках, о которых некоторые режиссеры даже не догадываются. Я с Владимиром Яковлевичем работал в двух его фильмах — «Женя, Женечка и «катюша» и «Звезда пленительного счастья». Мы дружим по сей день, а недавно отметили семидесятилетие большого мастера, и я увидел того же наивного В. Мотыля.

Но тогда, 30 лет назад, на съемках фильма «Женя, Женечка и «катюша» за спиной у Владимира Яковлевича была только одна картина — «Дети Памира», которую он снял на Таджикфильме.

Снимая «Женечку», Мотыль и мы — актеры, погрузились в замечательный литературный материал автобиографической повести Булата Окуджавы — «Школяр». Роль у меня была подарочной — этакий солдатский недоросль, одновременно наивный русский богатырь, которого играть мне доставляло большое удовольствие. Многие считают, что это моя лучшая роль в кино. Но я так не думаю, просто это было точное попадание в образ, благодаря замечательному материалу Окуджавы и

режиссуре Мотыля.

Фильм снимался зимой в Петергофе, аж три месяца, а летом в Калининграде — бывшем Кенигсберге. Всего на съемки ушел почти год, а на заслуженное признание зрителей — 30 лет.

И сейчас, когда я вижу этот фильм, к счастью, довольно часто на экране, и думаю, почему же так несправедливо распорядилась судьба?

Вспоминаю замечательного актера Олега Даля, которого уже двадцать лет нет в живых, и мне кажется, что все это было вчера.

Я очень благодарен Мотылю, что он именно меня выбрал на эту роль — Захара Косых, так как претендентов было очень много.

Веселое.

Когда вышла отдельная книжка сценария «Женя, Женечка и «катюша» с кадрами из фильма, Владимир Яковлевич подарил мне ее со следующей надписью: «Захару Косых — Михаилу Кокшенову — хорошо замаскировавшемуся интеллигенту».

Грустное.

Сегодня Мотыль ходит по Мосфильму и ищет деньги на свой новый фильм. Хорошо бы нашел!

Олег Даль

С Олегом Далем я впервые познакомился на пробах фильма «Женя, Женечка и «катюша». Потом мы подружились, хотя дружить с ним было не легко. Он был совсем бескомпромиссный, ироничный, иногда даже язвительный, в общем — малообщительный человек. Тем не менее мы с ним сошлись и были всю картину «не разлей вода».

Олег был замечательный партнер, обладающий в свои 25 лет блестящей актерской техникой. В совершенстве владел взглядом, интонацией героя и знал про него все. По фильму мы с ним были антиподы. Он тонкий и звонкий интеллигент — парень с Арбата, а я такой деревенский увалень — парень с лесозаготовок. Но тем не менее мы были коренные москвичи. Одновременно окончили лучшие театральные институты. Он — «Щепку», я — «Щуку», и это нас сильно роднило духовно.

Без похвальбы скажу, что наша пара в фильме «Женя, Женечка и «катюша» — самая яркая, точная и убедительная. Да и играли мы своих героев с такой остервенелой радостью, потому что было что играть. И слова такие удобные и ёмкие, и ситуации такие интересные и точные. Да и мне кажется, что мы на сто процентов соответствовали внешне своим героям, которые были задуманы автором.

Мы с Олегом шлялись по Кенигсбергу в военной форме. Нас ловили патрули, дико смотря на нашу форму 40-х годов, и один раз мы даже загремели в комендатуру.

Утром мы ходили завтракать в молочное кафе при зоопарке, которое находилось напротив нашей гостиницы. Меню всегда было одинаковое. Я съедал две тарелки манной каши, два стакана сметаны и какао с булочкой. Мне нужно было держать вес — сто килограммов, так полагалось по образу. А Олег ел всегда традиционную яичницу и пил чай. Ему нужно было быть худым-худым.

Мотыль был с нами суров. Не пить, не гулять, не опаздывать.

Но как не пить, не гулять и не опаздывать в 25 лет? Помню, однажды мы получили зарплату. Это было в Калининграде-Кенигсберге. Нас отпустили на два часа на обед, сказав: «Вернетесь по желтой ракете». Мы пошли на рынок в солдатской форме и так там наугощались молодого молдавского вина, что залегли под мостом отдыхать. Увидев в реке отражение желтой ракеты, Олег сказал: «Это нас ищут, между прочим». Среагировали мы только, наверное, на десятую ракету. Мотыль был в бешенстве и гонял нас по съёмочной площадке два часа,

делая вид, что снимает, а на самом деле выгонял из нас хмель.

Нас с Олегом объединяло то, что мы оба ушли из своих любимых театров на время съемок. Он — из Современника, я — из Маяковки. По театрам мы очень скучали.

Мы с Олегом любили побродить по Калининграду. Полуразрушенному, но красивому городу. Городу, полному для нас притягательных тайн. Говорили, что в Калининграде спрятана «Янтарная комната», затоплены какие-то секретные ходы, бункеры. Было много полуразрушенных замков, укреплений. Мы излазили все. Еще Калининград, к тому же, был рыбный город. Мы наверное съели километр угря и тонну копченого окуня. Там же, я помню, мы в первый раз попробовали королевские креветки — большие и вкусные. Чего там только не было! Вкуснятина дикая!

А вечером мы ходили на стадион «Балтика» играть в футбол всей киногруппой. К сожалению Олег тогда стал сильно попивать, что очень вредило ему, да и кому это помогает?

Мы с Олегом очень надеялись на фильм и ждали выхода его на экран. Состоялась пышная премьера в Москве в Доме литераторов, которую устроил Булат Окуджава. А потом фильм «Женя, Женечка и «катюша» канул в неизвестность на долгие 30 лет. Говорят история его такова: «Какой-то большой начальник смотрел фильм в компании с какой-то комиссией. И вдруг в середине просмотра куда-то вышел, может в туалет. Подхалимная комиссия подумала, что всё — не понравилось кино. И зарубили фильм! Через несколько минут вернулся начальник и сказал: «Ну, как? Мне кажется — ничего!» Но подхалимная комиссия закричала: «Нет, нет. Это ужасно!» И начальник, махнув рукой, сказал: «Вам лучше знать. Вы — идеологи!»

А вот как фильм вновь попал на экраны и зазвучал — легенды нет. К сожалению Олег не дожил до второго рождения фильма. А ведь он был главный, кто сопутствовал его успеху!

Следующая наша встреча с Олегом была на фильме Леонида Гайдая «Не может быть» Он снимался в рыбном городе Астрахани. Фильм состоял из трех новелл. Наша новелла называлась «Забавное приключение». У нас была хорошая актерская компания: Н. Селезнева, Е. Жариков, С. Крючкова, С. Еремина — она сейчас живет в Америке, Олег и я. Мне кажется мы здорово сыграли любовный шестиугольник. Фильм идет и сейчас и пользуется любовью у зрителей.

Это была моя первая встреча с Леонидом Гайдаем, но об этом я расскажу отдельно.

Наши с Олегом герои в фильме Гайдая были примерно похожи на героев фильма Мотыля «Женя, Женечка и «Катюша», но

только примерно. Олег — артист, я — биндюжник. И опять горячие диалоги и яростные драки! А драки у нас были наработаны еще на нашей предыдущей совместной картине. Но это были не настоящие каскадерские драки, а так — петушиные бои.

Вечером мы с Олегом сидели у Гайдая с Гребешковой, ели золотистую воблу и заедали ее огромным астраханским арбузом.

Потом мы с Олегом встретились еще раз в фильме Мотыля «Звезда пленительного счастья». Оба играли эпизодические роли. Но, встреча с Мотылем, пусть даже в эпизоде — значима!

В 1981 году Олега не стало. Он умер в 39 лет!

Веселое.

Когда мы шлялись с Олегом по Кенигсбергу в военной форме и нас останавливал патруль, и строго спрашивал: «Какая часть?» Олег дурным голосом кричал: «Морская кавалерия!» А я вторил не менее дурным: «Никак нет! Железнодорожный флот!»

Грустное.

Когда в марте 1981 года мы хоронили Олега в Москве на Ваганьковском кладбище, он лежал в гробу небритый и в джинсовой курточке.

Театр Миниатюр

В Калининграде, во время съемок «Женечки», гастролировал театр Миниатюр, и его художественный руководитель — писатель-сатирик Владимир Поляков пригласил меня в театр. Поляков в то время был уже очень известен. Он писал тексты самому Райкину Аркадию. Почти весь репертуар театра состоял из сто миниатюр. Я долго раздумывал над этим предложением, надеясь все таки, что вернусь в театр Маяковского. Потом подумал: «Была не была!» Подумал, что попробую себя в малых формах. Да и времени для съемок будет побольше. Думал, что поработаю годочек, а там видно будет. Но годочек растянулся на целых восемь лет.

Я ничуть не жалею о своей работе в театре Миниатюр. Было много хороших спектаклей и интересных гастролей. В это время там работали Зиновий Високовский, Рудольф Рудин, Савелий Крамаров и другие. О Савелии мне хочется рассказать отдельно, а Рудольфа Рудина — пана Гималайского в народе, я сейчас считаю своим учителем. Мы с ним дружны до сих пор. Он снялся у меня в фильме «Русское чудо».

В период работы в театре Миниатюр мне удалось сняться в очень многих фильмах. Владимир Поляков был хотя и строгий руководитель, но кино любил и отпускал на съемки, иногда даже на большие сроки. Работая в театре я снялся в таких фильмах, как «Хозяин тайги», «Молодые», «Адъютант его превосходительства», «Даурия», «Инженер Прончатов» и ряде других.

Театр Миниатюр находился и находится в московском саду «Эрмитаж». В прошлом году этому парку исполнилось 200 лет. По сей день он является любимым местом моих прогулок, так как я живу совсем рядом с парком. Раньше в саду «Эрмитаж» было сразу три театра: Зеленый, Зеркальный и наш — крошечный театр Миниатюр. Потом Зеленый театр сгорел. На месте Зеркального высится роскошное здание Новой Оперы, а наш театр Миниатюр переехал ближе к входу и называется — театр «Эрмитаж». Как помню, сад «Эрмитаж» в те годы был любимым местом прогулок Леонида Утесова. Он жил на Каретном ряду.

Раньше рядом с театром Миниатюр находился рыбный ресторан. Это было любимое место актеров, особенно буфет, который почему-то называли «Каток». Летом рыбные запахи неслись в зал и будоражили аппетит зрителей. Наверное многие из них сразу же после спектакля шли в ресторан. Сейчас его уже нет.

После Владимира Полякова главным режиссером театра

Миниатюр был Рудольф Рудин. Он отпустил меня на вольные хлеба, сказав: «Мишаня, будет время и желание, приходи, играй, но мой тебе совет — пока зовут — снимайся!» Я немного посомневался-посомневался и ушел в театр Киноактера, где работаю по сей день.

Веселое.

В театре Миниатюр мы давали друг-другу шутливые прозвища; Високовский — Бандит, Рудин — Палка, Кузнецов — Фарш, Л. Лазарев, он сейчас живет в Америке — Слон, Арзуманян — Балбес. У меня было прозвище — Гужбан.

Грустное.

Сейчас в помещении театра Миниатюр в саду «Эрмитаж» находится театр «Сфера». Но я всегда стараюсь пройти по знакомой аллее мимо родного и любимого здания театра.

Гайдай

Сегодня фильмы Леонида Гайдая — «Бриллиантовая рука», «Кавказская пленница», «Иван Васильевич меняет профессию», «Спортлото-82» почти каждый месяц на экране. Время не властно над фильмами Гайдая. Зритель хочет их видеть и ему их показывают.

Я встретился с Леонидом Иовичем на фильме «Не может быть!» До этого я играл в основном бригадиров, партизан и строителей. Правда, у меня в багаже уже был фильм «Женя, Женечка и «катюша», но в чистой комедии я никогда не снимался. В первый съёмочный день я увидел, как сильно разнятся художественные киноприемы обычного фильма и кинокомедии.

Леонид Гайдай снимал маленькими кусочками. Никаких монологов, никаких панорам, никаких массовых сцен. Актер был главным действующим лицом на площадке! Режиссер так доверял актеру и так умел добиваться от него требуемого результата, что мне кажется — актеры, за один фильм Гайдая, заканчивали еще один театральный институт — институт кинокомедии Гайдая.

Леонид Иович по разному искал артистов для своих фильмов. Многих он брал второй, третий раз, так как привыкал к актерам, а иногда ему приходилось искать новых.

Расскажу, как он нашел меня. Раньше в ларьках продавали фотографии артистов. Черно-белые — 5 копеек, цветные — 8 копеек. На цветной фотографии я был изображен в синем пиджаке, с каким-то диким поворотом головы и напомаженным пробором. Полиграфия была та еще! Весь цвет с пиджака перешел мне на лицо. Я был весь синюшный, даже пробор. Гайдай купил меня такого синенького за 8 копеек и отдал ассистентам. Те меня нашли по картотеке. Так я попал в замечательный мир комедии Гайдая! И все то, что я сделал в кино, снимаясь в других фильмах и снимая сам, сделано благодаря Леониду Гайдаю — моему учителю и кумиру!

Фильм «Не может быть» снимался в Астрахани, на старинных улочках с купеческими особнячками. Здесь жили герои нашей киноновеллы. Когда мы снимали на набережной, собирались толпы народа. Зритель хохотал, глядя на то, что происходит на съемочной площадке и вдохновлял нас своим смехом, говоря тем самым, что мы на правильном пути. У Гайдая все было расписано до секунды, до мельчайшей детали, до каждого движения. У него был большой сценарий, типа альбома, в котором его рукой был нарисован каждый кадрик фильма. Для себя он уже давно снял фильм, оставалось только перевести его на пленку.

После фильма «Не может быть» я просто заболел кинокомедией и ждал новой встречи с Гайдаем. Но тем не менее продолжал сниматься строителем, партизаном, трактористом. Снялся в таких фильмах, как «Вечный зов», «Сын председателя», «Единственная», но меня уже стали приглашать в комедии и другие режиссеры — «Сказ про то, как царь Петр арапа женил», «По улицам комод водили», «Земляки».

Следующая встреча с Гайдаем была на фильме «Инкогнито из Петербурга». Этот фильм зритель знает мало. В нем я играл небольшую роль квартального пристава — Держиморды. Фильм снимался в городе Касимове, Рязанской области. Это старинный русский город с торговыми рядами, старинными фонарями и хорошо сохранившимися церквями. Но, к сожалению, фильм прошел незамеченным. Может не удался? Мастер тоже имеет право на ошибку!

Я опять стал ждать новой встречи с Гайдаем и опять много снимался, но теперь в основном только в комедии. «Дачная поездка сержанта Цибули», «Брелок с секретом», «Летние гастроли», «Вечерний лабиринт», «Однолюбы» и другие фильмы. И, наконец, опять Гайдай — фильм «Спортлото-82». Тут у меня уже была одна из главных ролей. Я играл Степана. Моим партнером был Михаил Пуговкин. Этот фильм стал любимым фильмом детворы, которая знает его наизусть, знает каждую реплику, каждый эпизод, каждого героя.

Фильм снимался в Алуште, 3 месяца, в разгар курортного сезона, и тысячи отдыхающих были нашими зрителями и одновременно участниками. Каждый день у нас были интереснейшие и захватывающие съемки. Один день в море, другой — в горах, третий в персиковом саду, на рынке и так далее. Я упивался своей ролью, потому что ничего подобного в своей жизни не играл. Мой партнер Михаил Иванович Пуговкин не давал ошибиться. Он был настолько точен и убедителен, что я тоже тянулся за ним. И мне кажется, что получилась замечательная яркая пара.

Параллельно с фильмом «Спортлото-82» я снимался на студии ДЭФА в Германии в фильме «Александр маленький». Это была очень трогательная история о трех русских солдатах, потерявшихся на дорогах войны. Я играл белобрысого, конопатого ефрейтора Алексея Курыкина. Я подчеркиваю — белобрысого! А в фильме «Спортлото-82» у Гайдая, Степа должен был быть огненно-рыжим!

Я прилетел из Берлина в Алушту. Меня перекрасили в огненно-рыжий цвет и я девять дней снимался Степой. Но когда на десятый день я прилетел в Берлин — немцы остолбенели. Надо

знать педантичность и дисциплинированность немцев, чтобы понять их состояние. Они долго совещались, а потом повели меня в парикмахерскую. Смешивали какие-то компоненты, смотрели фотографию и через полчаса я вышел оттуда тем же белобрысым и конопатым Алексеем Курыкиным. Но через неделю опять пришлось лететь в Ялту, и тогда уже остолбенел Гайдай, гример и директор. Они долго кричали, что я не соблюдаю условия договора, что как они теперь восстановят прежний цвет, потому что у них, конечно, не было никаких компонентов, фотографий и немецкой педантичности. Но тем не менее, через час я вышел из гримерной снова огненно-рыжий с легкими ожогами пергидролью шеи, ушей и затылка.

Фильм «Спортлото-82» смотрело 40 миллионов зрителей. Мальчишки и девчонки смотрели этот фильм по 5–6 раз. И эти же мальчишки и девчонки, ставшие уже дядями и тетями, и сегодня, увидев меня, говорят вслед — «Апельсинчики-витаминчики»!

И опять два утомительных года я ждал встречи с Гайдаем. За это время я снялся в фильмах: «Первая конная», «Белые Росы», «Русь изначальная» и других.

Очередной фильм Гайдая «Опасно для жизни» не был шедевром, прошел незамеченным, да и роль там у меня была не из завидных. Играл я участкового-уполномоченного Рокотова. Моим партнером был Леонид Куравлев, с которым я снялся в многих-многих фильмах.

Вообще-то после фильма «Не может быть» я снимался во всех фильмах Леонида Гайдая. Роли были — больше, меньше, но мне всегда находилось место в новом фильме!

В следующем фильме Леонида Иовича «Частный детектив, или операция «Кооперация» я играл большую роль — роль Амбала. Фильм снимался в Одессе и моими партнерами были Спартак Мишулин и Дмитрий Харатьян. На Мосфильме была построена роскошная декорация, о таких сейчас даже думать нельзя. Было много всяких трюков, кстати все трюки придумывал сам Гайдай.

Параллельно в Одессе я снимался в фильме «Светлая личность», а также во Владимире на студии Горького в фильме «Из жизни Федора Кузькина» и в фильме «Артистка из Грибова» в Москве. Так и мотался из города в город целое лето. Но главным фильмом для меня был все-таки фильм Леонида Гайдая!

Но тут накатила перестройка, студия стала разваливаться, фильмов становилось меньше и меньше. У Гайдая тоже возникли проблемы — финансовые, организационные и прочие. Но тем не менее он запустился с новым фильмом, который назывался «На Дерибасовской хорошая погода, или на Брайтон-Бич опять идут

дожди». Фильм был дорогой, масштабный, советско-американского производства. В России он снимался на военных полигонах и в Феодосии, а в Америке — в Нью-Йорке, Вашингтоне и Атлантик-Сити. В этом фильме снимались Армен Джигарханян, Андрей Мягков, Дмитрий Харатьян и другие. Я играл Кравчука. Сначала, правда, меня звали — «Шкаф», потом стал Кравчуком. Главную женскую роль играла американская актриса Келли Мак-Грил. Здоровенная такая американка, лет тридцати, зубастая, высокая, с вечной улыбкой на губах, а по-русски не бум-бум.

В России съемки катились быстро. Все были в ожидании поездки в Штаты. Тогда это было очень и очень круто.

Келли тяжело привыкала к нашему быту. Насчет котлет, борща, винегрета и компота она вообще не слышала. С ее питанием сразу образовалась напряженка. Из Феодосии ее возили на кормежку в Ялту в «Интурист», где она с голодухи съедала по тазу салатов. Так к нашему меню мы ее и не приучили, но водку она пила легко и непринужденно. Также мы научили ее ругаться матом. Она садила на улице мат во весь голос, хохотала и думала, что это очень хорошо. Мы хохотали тоже. Ну, а чему можно научить в России богатую американку, кроме как пить водку и ругаться матом?

С Келли были проблемы чисто бытового характера. Она требовала, чтобы ее возили из поля или леса, со съемочной площадки в город в туалет! И хоть вся группа объясняла ей через переводчика, что здесь — лес, кусты, овраги. Какой может быть туалет? Но Келли говорила, что «туалет», оговорен у нас в контракте. И ее увозили, часа на два, пока наш водитель в один из дней не сообразил снять все четыре колеса с машины, сказав, что будет чинить до вечера. Так мы приучили американскую актрису пользоваться лесом! К нашим условиям, оказывается, можно быстро привыкнуть.

В Нью-Йорк мы прилетели, как сейчас помню, в октябре месяце. До этого в Америке я никогда не был. Нью-Йорк на меня произвел сильное впечатление! Нас поселили на 46-ой улице в отеле «Вилворт». Наша улица упиралась прямо в центр Бродвея. Я исходил пешком весь город! Гайдай раньше был в Нью-Йорке. Он ходил со мной и показывал интересные места.

Съемок было сравнительно немного, а пробыли мы в Америке почти месяц. Часть съемок проходила на знаменитой Брайтон-Бич! Наши эмигранты очень тепло нас встретили. Наперебой угощали нас в разных ресторанах, даже устроили творческую встречу в кинотеатре «Родина».

После окончания съемок Келли Мак-Грил — наша героиня,

устроила нам у себя дома прощальный банкет! У нее здоровенный трехэтажный дом под Нью-Йорком. Угощения были чисто американские — бигмаки, салаты, пудинги, сосиски в тесте, море пива, виски и всякая там кока-кола.

Фильм «На Дерибасовской хорошая погода, или на Брайтон-Бич опять идут дожди» имел грандиозный успех! Были громкие премьеры в Москве и Питере. Этот фильм зритель хорошо знает и помнит, тем более, что его часто показывают по телевидению.

Авторами сценария были Аркадий Инин и Владимир Волович. У них с Гайдаем был грандиозный план следующей комедии, тоже дорогой и сложной. Но, к сожалению, Леонид Иович до нового фильма не дожил.

Веселое.

Когда я снял свой первый фильм по сценарию Аркадия Инина «Русский бизнес», в котором был режиссером и продюсером, Гайдай сказал: «Миш, фильм — ничего! Есть смешные моменты… Но главное, чтобы Вас после этого фильма не посадили!»

Грустное.

Когда на экране идет какой-нибудь фильм Гайдая, я с грустью понимаю, что новых его искрометных комедий больше не будет.

Пуговкин

В Москве с Михаилом Ивановичем Пуговкиным мы были соседями, и, подружившись после «Спортлото-82», я часто ходил к нему в гости, в его небольшую квартирку на Олимпийском проспекте, где его жена — Александра Ивановна, угощала меня замечательным творогом собственного приготовления, с черносмородиновым вареньем. Александра Ивановна — бывшая певица-народница, была очень величественной женщиной со следами былой красоты и красивым голосом. Она опекала Михаила Ивановича как могла. Сопровождала во всех киноэкспедициях и называла его ласково — «Минечка».

Михаил Иванович — очень чистый человек, без всяких богемных налетов, звездности и прочих признаков кинотеатральной жизни. Он никогда не ходил на какие-либо премьеры или, как сейчас говорят, «тусовки», и, вообще, не извлек ни грамма пользы из своей популярности.

Пуговкин — на редкость дисциплинированный артист, таких и не встретишь! Всегда знал текст назубок и не отходил от камеры дальше пяти метров. Его никогда не нужно звать: «Михал Иваныч, Михал Иваныч! Где Михал Иваныч?» На съемках он всегда рядом с режиссером, готовый к бою!

После фильма «Спортлото-82» я снялся с ним в небольшой короткометражной ленте и двух фитилях у Леонида Гайдая, и уже через много-много лет в фильме «Болотная стрит». Михаил Иванович любил и любит ездить по стране с творческими встречами. У него веселая программа с фрагментами из многих замечательных фильмов и с веселыми рассказами.

Когда жена Михаила Ивановича — Александра Ивановна — умерла, он остался совсем один, а для такого неприспособленного семидесятилетнего человека, это было просто катастрофой!

Вообще-то Пуговкин всю жизнь мечтал жить в Крыму, а именно в Ялте. Поехав на очередные гастроли в Ялту, он познакомился со своей нынешней женой — Ириной Константиновной, теперь он крымчанин, почетный гражданин Ялты, получил украинское гражданство, короче говоря, уже пять лет как иностранец. Но, дружба наша продолжается. Я каждый год бываю в Ялте. Меня приглашает туда на гастроли жена Михаила Ивановича — она администратор местной филармонии. После работы мы сидим на его лоджии, почти на набережной, попиваем его любимый чаек с восточными сладостями.

В прошлом году Ялта широко отмечала

семидесятипятилетний юбилей Пуговкина. Гостей из Москвы и других городов было море! Торжества проходили в ялтинском дворце «Юбилейный» — на две тысячи человек. В июле, в самый разгар курортного сезона.

Снимая свой фильм «Русский бизнес», я пригласил Михаила Ивановича на одну из главных ролей, которую потом сыграл Савелий Крамаров. А Михаил Иванович подумал-подумал и сказал, что мотаться ему поездом тяжело. Дело было зимой. А самолетом он никогда не летал и не летает. Когда я его спрашивал: «Михал Иванович, Вы что самолетом-то не летаете?», он всегда морщился, смотрел в небо и говорил: «Ненадежная конструкция!»

Совсем недавно мы устраивали концерт, посвященный 8 марта, и Пуговкин на этом концерте был главным. А сейчас он снимается у Александра Абдулова в фильме «Бременские музыканты», играет царя, говорят, что очень смешно. А Михаил Иванович по-другому и не умеет! Природа наделила его замечательной внешностью. Такое простое грубоватое лицо с хитрющими, въедливыми глазами, обворожительной улыбкой и неповторимой пластикой.

Пуговкина знают все — от мала до велика. И на том ялтинском юбилее Михаил Иванович был официально признан королем российской комедии. В Ялте, да и не только, все ему раскланиваются при встрече. Он ходит в шляпе, с «бабочкой» и тросточкой — это его стиль. Он — артист с большой буквы, и этим все сказано!

Веселое.

У Михаила Ивановича никогда не было машины, он всегда ездил на такси или на леваках. И когда водители говорили: «Как Вы похожи на Пуговкина!», он говорил: «Обознался, дружок. Он, небось, на Мерседесе катается!?»

Грустное.

Жаль, конечно, что такой замечательный актер, вдруг стал иностранцем. Скольких мы уже теряли! Но потеря Пуговкина невосполнима!

Только сейчас узнал я, что Пуговкин, возвращается в Москву! Правительство Москвы выделило ему двухкомнатную квартиру в центре столицы. Говорят, что квартиру ему пробил Александр Абдулов. Ура! Пуговкин опять в Москве!

Апельсинчики, витаминчики…

Дорогой читатель! Не подумай, что я только сидел и ждал фильмов Леонида Гайдая. Нет, я в это время снимался у разных и очень интересных режиссеров. Снимался у замечательного режиссера европейского уровня — Глеба Панфилова в фильме «В огне брода нет». Этот фильм снимался в городе Муроме. Моими партнерами были Инна Чурикова и Михаил Кононов. Картина получила всеобщее признание, завоевала массу призов на различных фестивалях.

После этого я пробовался еще в трех фильмах Глеба Панфилова — «Начало», «Васса», «Мать», но не снимался, только пробовался.

Я снимался несколько раз у режиссера Владимира Александровича Назарова. Снялся в фильме «Хозяин тайги» с Владимиром Высоцким! Все происходило в Красноярском крае на реке Мана. Песни Высоцкого уже неслись из всех магнитофонов, а самого Володю еще никто не знал в лицо. Я помню он давал концерт в Дивногорске во дворце культуры. Народу собралось — тысячи три. В проходах стояли.

А пел он часа три, без перерыва, без всяких там фанер!

Также, у Назарова, я снялся в телевизионных фильмах — «О друзьях-товарищах» и «Инженер Прончатов». А лет через десять, мы с ним опять встретились на фильме «Здесь, на своей земле».

Я периодически снимался в любимых мною журналах — «Фитиль» и «Ералаш». В «Ералаше» я был даже автором нескольких сюжетов!

А как можно забыть работу с Сергеем Федоровичем Бондарчуком? Я снимался в фильме «Степь». Сергей Бондарчук — культовая фигура российского кино. Он был добрейшим человеком. Знал всех в группе по именам, был ко всем предельно ласков и внимателен. Это единственный режиссер, как мне кажется, который интересовался бытом артистов и часто помогал решать всякие проблемы. Съемочная группа его боготворила, но боялась. По первому требованию все неслись выполнять указания по работе. Ну, а артисты его обожали. С ним можно было поговорить «за жизнь».

А как не вспомнить яркий фильм Александра Митты — «Сказ про то, как царь Петр арапа женил». Самый сложный постановочный фильм, в котором мне приходилось сниматься. Партнером по фильму был опять Владимир Высоцкий — уже в зените славы, но все такой же простой и доброжелательный.

Фильм снимался долго — в Москве, Риге и под Москвой.

Костюмы, парики, корабли, оружие — чего только там не было! В этой картине блестяще сыграл Петра I — Александр Петренко.

А сколько еще я снимался в Минске, в Одессе, Алма-Ате и Киеве на национальных киностудиях. Чего только стоили съёмки фильма «Дума о Ковпаке» у Тимофея Левчука.

Но, несмотря на то, что в этих фильмах у меня были хорошие роли и фильмы имели большой успех — зритель меня больше всего знает как «Степу» из «Спортлото-82». «Апельсинчики-витаминчики» — прилипли ко мне на всю жизнь!

Веселое.

Однажды я ехал в очередную киноэкспедицию и со страшной силой работал локтями у окошка кассы, чтобы достать авиабилет. Народ возмущался, мол, такой здоровый, и так толкается! А один мужчина заметил: «Не трогайте его, он в образе!»

Грустное.

Раньше я снимался в трех-четырех фильмах в год, а однажды даже снялся в семи! Теперь, если даже удается сняться в одном, то уже считаешь это большой удачей.

Тимофей Левчук

Легендарный украинский режиссер — Тимофей Левчук — начальник всех начальников украинского кино, пригласил меня сниматься в киноэпопее «Дума о Ковпаке». Она состояла из трех фильмов по две серии. Снимался я в этом фильме четыре года! Не подумайте, что каждый день или каждый месяц. Так, месяца по два, по три в год. Но все равно — дело не легкое, когда в любое время года — ты в сапогах, с автоматом, по сугробам, от зари до зари. Я играл минера — Устюжанина.

Тимофей Левчук собрал в этот фильм актеров всех национальностей, со всего Союза, как полагается в эпопее про Отечественную войну. Там снимались замечательные украинские артисты — Костя Степанков, Валя Гаврилюк, Михаил Голубович и другие. А также мы — «москали» — Евгений Жариков и Наталья Гвоздикова, там они, кстати, и познакомились, Юрий Саранцев и Юрий Демич, Николай Мерзликин и я. У нас сложилось замечательное актерское братство, и все мы стали большими друзьями.

Съёмки были тяжелейшие. То мы форсировали Днепр, то мы штурмовали, ползая на пузе по снегу, какой-то перевал в Закарпатье. В общем, условия были приближены к боевым. Выручал нас только юмор. Мы называли нашу эпопею — опупеей, даже сложили такой стишок на эту тему: «Мы снимаем опупею — опупею без конца, до потери выраженья опупевшего лица».

Тимофей Левчук, хоть и был суровый и грозный режиссер, все равно очень любил артистов. Сам любил и послушать, и потравить всякие байки про кино и про жизнь. Он был мастерский рассказчик всяких «солёных» баек, которые рассказывал на смеси украинского и русского языков громовым голосом, сам хохотал и заражал этим смехом всех.

Когда однажды я опаздывал на съёмки и меня искали по всей стране (я тогда снимался в четырех фильмах), Левчук громогласно рассуждал в микрофон: «Артист должен сниматься в одном фильме; ну, в крайнем случае, взять второй для души; ну, ладно — третий — на пропой, но четыре! Одновременно! Здесь уже проглядывает лицо хапуги».

Вообще он знал все про артистов и про любого члена группы: кто с кем пьет, у кого с кем роман, кто что-либо сказал, кто куда уехал. Ну, в общем, все!

Нас — москалей — он любил. Передавал приветы всем режиссерам, с которыми мы работали в это время. Со своими артистами из киностудии им. Довженко, Левчук был ласково-

суров. Если кто запивал, грозился его героя в этой серии убить! А это была настоящая смерть для артиста, потому что такие многосерийные многолетние фильмы были единственным средством существования некоторых артистов. Левчук давал подрабатывать артистам своего поколения, своим знакомым и друзьям. Помню на одну съёмку он вызвал двадцать с лишним пожилых актеров из разных городов Украины. Все они были народными артистами, лауреатами многократных премий, потому что все они в своих городах играли одну роль — Ленина. И всех этих стариканов он поставил в одну цепь с автоматами и кричал в микрофон: «Ильичи, на Вас смотрит мировой капитализм и содрагается!»

Вообще с именем Левчука было связано столько веселых историй, переходивших из уст в уста! Их рассказывали в Москве и Минске, в Тбилиси и других городах, там, откуда в фильме снимались актеры. Но Левчук, одновременно, был очень авторитетной фигурой на Украине, и всегда помогал своим актерам и с квартирой, и с телефоном, и в любых других сложных вопросах.

После окончания фильма, мы с ним встречались на съезде кинематографистов или на кинофестивале. Он всегда сидел или в жюри, или в президиуме.

Когда он меня видел, всегда говорил: «Ну, что? Готовься!» Что это означало — я не знаю. Сейчас, когда Украина стала заграницей, и Т. Е. Левчука уже давно нет — я всегда с тоской вспоминаю то время, те трудные и одновременно легкие съёмки, своих украинских товарищей-актеров, с которыми, к сожалению, теперь никогда не встречаюсь.

Веселое.

Директором картины «Дума о Ковпаке» был Василий Чужой. Он все время куда-то пропадал, что-то путал, но тем не менее Левчук его любил и говорил: «Вы не думайте, что он правда «чужой» — он свой!»

Грустное.

Эпопея «Дума о Ковпаке» — собственность Украины и никогда не идет на российских экранах. А жаль! Хотелось бы посмотреть и вспомнить то время и своих товарищей.

Театр Киноактера

Поработав несколько лет в театре Миниатюр, я опять стал зашиваться в работе. Съёмки отнимали почти все время! В театре я появлялся наскоком, и после долгих раздумий, перешел в московский театр Киноактера при киностудии Мосфильм.

Я пришел в театр, когда в нем работали — Борис Андреев и Николай Крючков, Эраст Гарин и Лидия Смирнова, Алла Ларионова и Николай Рыбников. А какими актерами было представлено молодое поколение театра! Владимир Ивашов, Лариса Лужина, Леонид Куравлев, Жанна Прохоренко, Галина Польских и многие-многие другие — всего двести человек.

В театре был разнообразный репертуар и большая концертная программа. Кто-то работал в театре, кто-то ездил с концертами, а кто-то снимался в кино. В театре была диспетчерская, в которой были все сведения о занятости актера — где и когда снимается. Многие актеры, которые работали в других театрах и много снимались, так же как мы, перешли в театр Киноактера.

Бытовало такое мнение, что этот театр — «братская могила». В нем актер погибает… Неправда! Наоборот, руководство театра делало все, чтобы актеры снимались. Я, много лет работая в Киноактере, ухитрялся сниматься сразу в нескольких фильмах, ездил с гастролями театра и всюду успевал!

Сейчас, конечно, театр не тот. Из двухсот человек осталось сорок. И как может быть иначе? Фильмы на государственном уровне не снимаются. А ведь основной финансовой подпиткой театра были те отчисления, которые поступали за снимающихся актеров.

Здание театра стоит. Каждую субботу и воскресенье мы играем концерты. И, может быть, наступит то время, когда театр возродится!

Между прочим, театры Киноактера раньше существовали при всех национальных киностудиях. И это очень правильно! Жизнь киноактеров очень сложна. У нас же нет системы Голливуда с ее менеджерами, профсоюзами, агентами. У нас — каждый сам за себя! Иногда наступает такой день, когда по обстоятельствам, по ряду причин — возраст, мода да и просто случай — тебя перестают снимать. А в театре Киноактера ты можешь «отсидеться», поиграть в спектаклях или концертах, и, таким образом, сохранить свою актерскую форму. А можно было, если ты совсем надорвался, вообще ничего не делать, но получать при этом простойную ставку, кажется сорок процентов от основной. Многие артисты считают, что эта система порочна. Она, мол,

развращает актера. Но я считаю, что это не так! Наоборот она гуманна и рациональна.

В чем же эта система порочна, если в концертах по сегодняшний день работают Георгий Вицин, Лидия Смирнова, Алла Ларионова и другие? В чем же эта система порочна, если артисты театра Киноактера представляли Москву на всех кинофестивалях и снимались на всех киностудиях страны? Я также работаю в родном помещении театра в концертах. На стенах висят наши портреты. Театр живет своей жизнью.

Веселое.

Иногда московские театральные артисты называли наш театр — театр «Киновахтера». Мол сорок человек снимаются, а остальные сидят и ждут.

Грустное.

Одно время, была мысль — сделать лестницу «звезд» на ступенях нашего театра. Ведь сколько их прошло по ней. Но, к сожалению, «звезды» уходят и память о них стирается.

Савелий Крамаров

Первым, кого я увидел, придя работать в театр Киноактера, был Савелий Крамаров. «О!» — воскликнул он, — «Вот и опять потрудимся в одном трудовом коллективе». До этого мы вместе работали в театре Миниатюр. Мы с Савой очень подружились. Особенно нас сблизил спорт — плавание и футбол. Ходили мы, в свободное от съемок время, в бассейн «Чайка», что у Крымского моста. Другого такого бассейна в Москве нет. И тренажерный зал, и теннисные корты, и сауна, и площадка для футбола. Как туда с утра зайдешь, так только вечером и выйдешь. А самая благодать — находится в центре Москвы.

Мы с Савелием начинали с тренажерного зала, потом ныряли в бассейн, потом немножко загорали на трибунах, потом гоняли до изнеможения в футбол и все оканчивалось опять бассейном. В общем — полный рабочий день! Савелий мне говорил: «Ну, Мишань, по спорту мы план выполнили!»

А в кино нас судьба разводила. Ни разу в одном фильме мы так и не снялись. Нет, один раз все-таки снялись у Гайдая в фильме «Не может быть», но в разных новеллах.

Савелий уже имел дикую популярность, но не очень ею пользовался. Я помню, когда мы ездили с театром Киноактера и программой «Поет товарищ Кино», в финале все прожекторы концертных залов были направлены на Савелия и, весь зал скандировал: «Кра-ма-ров! Кра-ма-ров!» Савелий переживал за это, думая, что старшие товарищи на него из-за этого обижаются и со скандалом ушел из программы.

Конечно, популярность часто утомляла Савелия. Я помню, на гастролях, в городе Коломне, за ним на пляже увязались мальчишки — человек 100–150, и мы с трудом сбежали в гостиницу.

Савелий был очень разборчив в еде. Кушал только, как он говорил, первичные продукты — творог, орехи, мед, икру, каши. А всякие там котлеты и супы — не признавал. Когда он приходил ко мне в гости, и моя мама начинала его чем-нибудь угощать, он ей говорил: «Галина Васильевна, я же очень выгодный гость! Я ничего не ем и не пью. Я могу только хлебнуть жидкого чайку с конфеткой». Он был сластена.

Хождение на рынок для Савелия было ритуалом. Ходил он с корзиной, любил выбирать самые красивые яблоки, груши, сливы, виноград. Сто раз пробовал творог и мед, но продавцы на него не ругались. Они его знали и часто делали подарки. У него дома холодильник был забит фруктами и все это он называл

«дефицитом». Так и говорил: «Достал дефицит, поел дефицит, спрятал дефицит, дефицит кончился». Да, тогда было время дефицита!

Вот от этой популярности и от этого дефицита Савелий и рванул в 1981 году в эмиграцию. Пришел в театр, написал заявление по-собственному желанию и больше его никто не видел. Он даже никому не позвонил! Боялся наверное подставить и доставить неприятности.

Позже я увидел Савелия в нескольких американских фильмах, в том числе в большой роли в фильме «Москва на Гудзоне». А потом у нас в России началась перестройка, и в 1992 году Савелий приехал в Москву в гости. Он у кого-то достал мой новый телефон, позвонил и пришел ко мне домой. Мы, с моей женой Леной, зная его гастрономические вкусы, встречали его икрой, фруктами, орехами, чем он был приятно удивлен. Мы долго болтали, вспоминали его московскую жизнь. Он рассказывал о своей американской. А потом случайно вышли на деловую тему. Я в то время готовился к съёмкам фильма «Русский бизнес» и искал актера на роль дяди Вани. Перепробовали много разных артистов и все не находили подходящего. А тут я вижу, что передо мной уже сидит дядя Ваня — простой русский мужичок с грустными глазами и добрейшей улыбкой — тот же Савелий Крамаров, только с американским паспортом. Я предложил эту роль ему. Он быстро пробежал глазами сценарий, одобрительно посмеиваясь. А я тут же позвонил продюсеру, и вопрос был решен. Так Савелий Крамаров снялся в своем последнем российском фильме «Русский бизнес». Правда времени на съемки он дал мало — всего восемь дней. Так что приходилось работать по десять часов, снимая только его сцены. Потом Савелий улетел в Америку и вернулся только через два месяца на озвучание. А по окончании работы мы с ним договорились встретится в новом фильме «Русское чудо». Но Савелий уехал и пропал, а фильм нужно было запускать, и я поехал искать его в Америку. Нашел по телефону. Он обещал приехать, но какие-то дела задерживали его. Он был какой-то нервный. Я подождал два месяца и заменил его на Семена Фараду. Через полгода мы узнали, что Савелий тяжело заболел и лежит в клинике Сан-Франциско, а вскоре узнали, что его не стало. Он похоронен в американской земле, далеко от России, где его очень любили.

Веселое.

Мне кажется, что Савелий — один из первых советских артистов, который заимел «иномарку». У него был «Фольксваген-жук». Он им очень гордился. Но потом у него в этой машине что-то забарахлило. Запчастей тогда не было. И он приобрел себе

«Жигули» четвертой модели. Эта машина у него все время ломалась. Он чертыхался и называл ее — «Русская самоделка имени Кулибина».

Грустное.

Меня всегда удивляло, как артист с такой популярностью, народной любовью и вдруг уехал в какую-то Америку, в какой-то Голливуд? Ведь сейчас бы его у нас носили на руках!

Фитили и Ералаши

Кроме больших полнометражных и многосерийных фильмов, мне приходилось еще сниматься в юмористических журналах — «Фитиль» и «Ералаш». В этих журналах не брезговали работать самые маститые актеры и режиссеры. Это дело было почетным и интересным. Ведь правда, вместить в двух-трехминутный сюжет миникомедийный фильм — дело не легкое!

Сначала появился «Фитиль». Я помню, снялся в первом журнале у режиссера Эдуарда Гаврилова с братьями Владимиром и Валерием Носиками. Валера играл участкового-милиционера, Володя — изобретателя, а я — «потрошителя» телефонов-автоматов. И после этого снялся, наверное, сюжетах в пятнадцати у разных режиссеров. Только с Леонидом Гайдаем мы сделали шесть «Фитилей». Партнеры были самые интересные — Михаил Пуговкин, Наталья Крачковская, Леонид Куравлев, Борис Новиков и другие.

«Фитиль» придумал Сергей Владимирович Михалков, который и по это время является его художественным руководителем. Этот юмористический журнал очень любят зрители. В Москве на Фрунзенской набережной существовал даже кинотеатр «Фитиль», в котором я однажды был на премьере.

Недавно я снялся в новом «Фитиле», который уже снимает НТВ. Это — идея Льва Новоженова. Мы играли с Виктором Павловым. Сюжет назывался — «Кирпич». Я играл «крутого», а он — «торговца кирпичами». Кажется — получилось!

Дом «Фитиля» — это Мосфильм, а вот «Ералаш» родился на студии Горького. Родители «Ералаша» — Александр Хмелик и Борис Грачевский.

«Ералаш» быстро догнал «Фитиль» по популярности, если не перегнал. Хотя «Ералаш» и был адресован детям, взрослые его тоже с удовольствием смотрят. Я снялся в очень многих сюжетах «Ералаша» и даже пару раз сам был автором. Мы вместе с Борисом Токаревым написали сценарии по моим рассказам, и после маленького подготовительного периода, сняли два довольно веселых сюжета под названием — «Дядя Миша».

Вообще придумать и снять «Ералаш» очень сложно. В нем два основных критерия — коротко и смешно! Первое — трудно, второе — еще труднее.

Актерами «Ералаша», кроме юных героев, которых по всей Москве разыскивают ассистенты, являются самые популярные комедийные артисты нашего кино. Опять те же Пуговкин, Крачковская, Садальский, Хазанов и другие.

Сердце и мотор «Ералаша» — Борис Грачевский. Он устраивает фестивали «Ералаша», всякие презентации для взрослых и детей, даже выпустил журнал «Ералаш». В общем если бы не Грачевский, «Ералаш» давно перестал бы существовать.

Совсем недавно я снялся в новом сюжете, который называется «Любопытный». Самый интересный момент в этом сюжете — это то, как я сидел на дереве в парке «Останкино» в рваных штанах. Меня силилась достать огромная собака, слава Богу — дрессированная. Так что «Ералаш» живет и здравствует и каждую неделю идет по телевизору в программе «Веселые истории в журнале «Ералаш».

Веселое.

Помню, в сюжете «Ералаша» — «Бразильская система», меня мазали вместо мыльной пены — заварным кремом, потому что в мыльной пене долго сидеть нельзя — лицо щиплет и глаза слезятся. А заварной крем — хорошо! Такая приятная жировая маска! Одна только беда — всю неделю пирожными благоухаешь.

Грустное.

Тут, недавно, ко мне на улице один мужик подошел и говорит: «Здравствуйте, дядя Миша, я с Вами в «Ералаше» снимался!» А мужик-то совсем взрослый, даже с сединой. Так что — время идет!

Наталья Крачковская

С Натальей Крачковской я познакомился в журнале «Ералаш», и потом мы снялись в множестве фильмов. По фильмам она была и моей женой, и любовницей, и тещей, и свахой, партнершей по бизнесу и просто знакомой, в общем, не была только бабушкой и внучкой. Где только мы с ней не выступали с концертами. По всей стране! Даже выступали в средиземноморских круизах. А два года назад я был Дедом Морозом, а она — Снегурочкой, аж в Монте-Карло! Наталья, так же как и я, снималась во всех фильмах Леонида Гайдая. И самая замечательная ее роль — в фильме «Двенадцать стульев», где она играла мадам Грицацуеву.

Наталья Крачковская — очень веселый человек. У нее всегда ровное настроение. Она поразительно легка на подъём, но под горячую руку — не попадай. В выражениях и действиях она стесняться не будет. Я ласково зову ее — «Куча». Сначала она возмущалась: «Какая куча, чего куча?» А я объяснял: «Как чего куча? — «Добра и таланта!» Муж Натальи — Владимир Крачковский работал звукооператором на Мосфильме. Сын — тоже звукооператор. Между прочим — звукооператор высочайшего класса. Сейчас он является начальником звукоцеха Мосфильма.

Когда я стал снимать свой первый фильм «Русский бизнес», то конечно же роль тети Кати — завхоза дома отдыха, я делал специально для Крачковской. И когда она оделась в халат этой тети Кати, взяла ведра и ключи, я понял — другой тети Кати быть не может! Она украсила фильм своей игрой. Мне трудно представить кого-то другого на ее месте.

Интересна была ее встреча с Савелием Крамаровым. Она подкалывала его: «Мне говорили — американский артист будет! Да какой же это американский артист? Это наш, русский — Савка Крамаров!» И в следующем своем фильме «Русское чудо» другой тети Кати я не искал. Но только ее мужем по фильму стал Семен Фарада, а должен был быть Савелий Крамаров.

Наталья Крачковская в комедии умеет все! Умеет «завести» партнеров, может «завести» массовку, а если нужно, то «заведет» и режиссера. У нее заразительный смех, громовой голос и обалденная внешность или, как у нас говорят — фактура. Любой костюм ее красит, любую ситуацию она делает смешной.

И уж, конечно, в фильме «Русский счет» одну из главных ролей опять играла Наталья Крачковская.

Вот тут она как раз играла жену моего друга или, если хотите — подругу жены. Друга — «Штопора» блестяще сыграл питерский

артист — В. Ильичев, который тоже, к сожалению, сейчас живет в Америке. Снимали мы фильм в Сочи, целый месяц. Это была самая веселая экспедиция! И все благодаря Наталье. Большая часть съёмок проходила на пляже, и поклонники таланта Крачковской засыпали нас раками, рыбой, фруктами, орехами, в общем, всякой-всякой вкуснятиной. И еще старались залить нас водкой, вином и шампанским, от которых мы с трудом увертывались. Наталья — душа группы. Когда возникали паузы в кинопроцессе — раздавалось её зычное «Чего стоим?»

Трудно представить себе трилогию о «Русском бизнесе» без Натальи Крачковской. Она — его стержень, она — его женское лицо!

Сейчас мы каждую субботу и воскресенье встречаемся на концертах Юморины в родном театре Киноактера. Она меня всегда спрашивает: «Мишань, ну, когда начнем новое кино?» А я говорю: «Когда-нибудь начнем…», потому что новая роль для нее уже написана. Сценарист Аркадий Инин, с которым мы постоянно сотрудничаем, написал сценарий новой кинокомедии — «Русский ковбой», где у Крачковской — главная женская роль. Она должна играть главу мафии, которую зовут, конечно же — тетя Катя.

Веселое.

Однажды, мы с Натальей Крачковской, снимались в сказке про Емелю. Я играл Емелю, а она — мою тещу. Мы ездили на печке по Новому Арбату. Я играл на гармошке, а она — на трубе. Знаете — такая здоровая труба, которая называется — «Туба»? Она надевается на музыканта через голову. Так вот! На Наталью трубу одеть-то одели, а снимали всей группой в течение часа под хохот толпы. Мне кажется, что это был лучший кадр фильма!

Грустное.

Сейчас Наталья Крачковская мало снимается в кино, да и фильмов-то снимается мало, а комедий — тем более.

Аркадий Инин

Давным-давно издавался журнал под названием «Молодежная эстрада», где все молодые авторы могли напечатать свои стихи, рассказы, пьесы, песни. Вот там-то я и встретился с Аркадием Ининым. Но встретился не то, чтобы лично, а на страницах этого журнала. Тогда он подписывал свои рассказы — «Инин и Осодчук, г. Харьков». Но потом Аркадий вырос в маститого комедийного сценариста, и я с ним встретился, как говорят, живьем, на фильме Леонида Гайдая «Операция «Кооперация». Потом он был автором нашумевшего фильма Гайдая «На Дерибасовской хорошая погода, или на Брайтон-Бич опять идут дожди». Аркадий Яковлевич не просто какой-нибудь кабинетный автор. Он любит присутствовать на кинопроцессе. Не ленится ездить в киноэкспедиции. В общем, он живет кино! И, не зря, Инин сейчас является президентом гильдии кинодраматургов России!

Еще мы с Аркадием подружились, как заядлые загранутуристы. У нас в Союзе кинематографистов существует отдел загранутуризма, который отправит тебя куда только хочется. Я с Аркадием Ининым изъездил много разных стран — он — руководителем группы, я — старостой. Расскажу почему было такое распределение обязанностей. На общем собрании туристической группы, Аркадий говорил, что он — руководитель группы — лицо официальное, а старостой предлагает Михаила Кокшенова и просит без альтернативных кандидатур. А почему? Мол это все поймут на таможне!

После фильма «Спортлото-82» меня, почему-то очень полюбили таможенники. И вот я прогонял всю нашу кинематографическую группу стадом по спецкоридору без всяких очередей — туда и обратно. Конечно, мы никогда не нарушали таможенных правил, никогда не везли ничего не дозволенного, но, тем не менее, пройти вот так, торжественно, без очереди — было приятно!

Когда я задумал свой первый фильм «Русский бизнес», то не раздумывал в поисках автора, а сразу обратился к Инину. Аркадий Яковлевич — очень въедливый сценарист. Ему нужно все знать: где снимается фильм, кто играет какую роль и много разных других мелочей. Он говорит, что любит писать роль прямо на конкретного актера, тогда ему легче пишется.

Конечно, Аркадий не думал, что фильм у нас получится и будет идти и идти на экранах. Это его приятно удивило, и он согласился написать сценарии для моих следующих фильмов. Вообще-то с фильмом «Русский бизнес» у меня получился

маленький казус. Я, не имея почти никакого режиссерского опыта, ухитрился снять из полнометражного сценария — короткометражку, потому что я многое пробросил, не снимал детали, не снимал крупных планов, не знал и не умел многого-многого другого. Аркадий терпеливо писал новые сцены, помогал в монтаже. И когда я стал искать композитора, то он порекомендовал мне Георгия Мовсесяна.

Аркадий Инин пишет очень быстро, мало что быстро — еще смешно! И когда читаешь сценарий, то ясно видишь происходящее — и слова-то такие удобные, они сами-таки лезут артисту в рот, и повороты такие неожиданные. Но Аркадий всегда ставит одно условие — нужно, чтобы в фильме всегда была любовь, дескать — какой фильм без любви?

Когда он писал сценарий «Русского чуда», там, вроде, любви-то нет, но есть замечательная супружеская пара, которую блестяще сыграли Наталья Крачковская и Семен Фарада.

А уж сколько любви в моем третьем фильме «Русский счет»! Там все на этом замешано.

Трилогия о русском бизнесе давно на российских экранах. Идет в хорошее время и по многу раз в год. Я понимаю, что эти фильмы очень далеки от совершенства. Наверное они простоваты и не очень смешны, но это вина не Аркадия Инина, а моя как режиссера. Сценарии были первоклассными.

Сейчас Аркадий написал для меня сценарий к новому фильму, который называется «Русский ковбой». Главную роль — казака Петра, приехавшего искать счастье в Москву, он специально писал на Александра Панкратова-Черного. И, конечно, в фильме есть любовь! Ну, как же Инин — без любви?!

Нашего героя — казака полюбила банкирша. Но этот фильм еще только на бумаге. Когда он будет снят и когда его увидят зрители — неизвестно.

А какие Инин придумывает кинокапустники! Это — отдельный разговор. Их надо видеть! Раньше эти капустники писались для встречи Нового года в Доме кино. Это было главным событием новогодних встреч.

Еще Аркадий может сняться в фильме по-своему собственному сценарию, правда в эпизоде. Помните? В фильме «На Дерибасовской…» он сыграл маленькую, но выразительную роль — швейцара. Сыграл ярко и убедительно, но без слов. Почему-то слов своему герою, Аркадий не написал.

Сейчас мы с ним встречаемся часто на различных концертах, где он крутит свои сногсшибательные капустники и рассказывает веселые истории из киношной жизни.

Веселое.

Когда я оформлял документы в свою первую турпоездку, Аркадий, прочитав анкету, пошутил: «Миш!» — сказал он, — «Я посмотрел на твою фотографию, а потом узнал, что у тебя два образования! Меня это очень удивило».

Грустное.

У нас с Аркадием уже лежит один написанный, но не снятый сценарий. А сколько в голове всяких проектов! Удастся ли их осуществить? Не знаю.

Заграница

Я с детства мечтал попасть за границу, ну, хоть куда. Об Америках-Азиях тогда не мечтали. И первой моей страной, куда я официально поехал туристом, была Югославия. Но не нынешняя раздробленная, а процветающая, можно сказать, капиталистическая страна.

Ездил я от ВТО — это значит Всероссийское театральное общество. Сейчас оно стало СТД. Это — Союз театральных деятелей, но что-то деятельности не очень видно. А раньше ВТО было сильнейшей организацией, которая объединяла актеров всех театров, собирала на свои замечательные вечера в старом здании на Пушкинской площади и кормила нас в самом вкусном в моей жизни ресторане «Актер».

Кроме всего прочего, ВТО отправляло артистов за границу за доступные деньги. Группы были человек по тридцать. Но почему-то больше всего в группах было людей непонятной для меня профессии — искусствовед. Два — три актера, два — три режиссера, а остальные — искусствоведы.

Первая моя поездка в Югославию поразила меня, особенно югославские курорты и отели. Тогда мы были ещё дикие, не привыкшие к капиталистической жизни. Помню, в Загребе, когда мы с моим напарником, ворвавшись в номер, увидели на столе две авторучки, два брелока и конфетки в золотых обертках, которые лежали в специальной красивой упаковке в виде шалашика, то авторучки и брелоки мы спрятали, а конфетки съели и пошли в холл на собрание. Гид долго рассказывал про туристическую программу, а в конце заметил: «У Вас в номере лежат сувениры-брелоки, авторучки и конфеты», — все задакали. «Но предупреждаю, — сказал гид, — эти конфеты — снотворное, для тех, у кого плохой сон». Вся группа переглянулась, и мы поняли, что все эти конфеты давно съедены, но в сон никого не тянуло!

Как помню, Югославия — это сплошные переезды, новые отели и дикая жара. В память об этой стране у меня до сих пор цела замшевая кепочка с сеточкой, тогда она была очень модна.

Но меня, конечно, тянуло больше в экзотические страны. И наконец-то моя мечта сбылась, я попал в Египет. В своих детских мечтах, я никогда не думал, что попаду в страну своей мечты — к пирамидам, фараонам, сфинксам.

Помню, в детстве, когда я ходил в кружок исторического музея, там нам показывали фотографии и чертежи пирамиды Хеопса с входом в нее и даже с внутренней камерой. И вот я,

наяву, лезу по этому ходу и попадаю в эту самую камеру из мечты своего далекого детства. Это для меня было настоящим потрясением! И пока это остается для меня самым сильным впечатлением из всех моих заграничных вояжей.

Недавно я опять был в Египте, и опять, конечно же, лазил в пирамиду. Но все уже было по-другому, потому что не было теперь того таинства. Все было вычищено и вылизано, все поставлено на коммерческий лад. Гидам главное было завести туристов на ювелирную фабрику. Но наш турист, даже современный, наполовину новорусский, не особенно бросается скупать ювелирные украшения, а сидит в халявном ресторане ювелирной фабрики и сметает все со шведских столов. Я думаю, что мечты гидов о большом проценте с продажи ювелирных украшений вряд ли сбываются.

А потом я попал во Францию. У нашей группы в плане стояли Париж и Канны, но в Канны мы не попали из-за какого-то дипломатического скандала и провели лишних четыре дня в Париже. Я за эти дни прошел весь город несколько раз пешком, восхищаясь красотами. После этого я больше в Париже никогда не бывал, в Канны попадал и неоднократно.

Самое интересное, что сразу после Парижа мне пришлось сниматься в фильме «Белые росы» на Курильских островах. Можно сказать — на другом конце Земли.

Я помню, в аэропорте «Домодедово», у меня было прямо истерическое состояние. Так не хотелось лететь! Но, когда я после пятнадцатичасового перелета оказался на Курилах, то через день уже забыл о Франции, потому что Курилы — это райский уголок, с которым вылизанные западные курорты даже сравниться не могут. Куда уж там Багамам и Тэнэрифам!

Кроме туристических поездок, были и официальные — в составе делегаций, а то и на съёмки. Но если другие в составе делегации ездили в Европу, то я с фильмами от Госкино объездил всю Азию. Три раза был во Вьетнаме, Корее, Монголии, Индии и Малайзии. Но для меня они как-то смешались в одну страну с похожей едой, жарой и бесконечными переездами. Поэтому, когда меня однажды послали на фестиваль в Испанию вместе с Сергеем Никоненко, то я был приятно удивлен.

Фестиваль проходил в городе Хихоне, на берегу Бискайского залива. Однажды мы с Сергеем пошли на пляж. Положили свои вещички вместе с гостиничными полотенцами и пошли купаться. Купались-купались, вышли из воды, а вещичек-то нет! Пришлось идти в отель в плавках. Благо он находился на берегу. А вечером пошли гулять по набережной и смотрим, вещички-то наши — лежат. Наверное мы не с той стороны пляжа из моря вышли или

это просто чудо какое-то заграничное!

Самыми интересными поездками за границу, были поездки на съемки фильма. Первый раз я поехал вместе с Сергеем Федоровичем Бондарчуком на студию ДЭФА. Фильм был, конечно, про войну. Сергей Федорович играл майора, а я был старшиной. Помню, было очень интересно, но трудно, потому что немцы спуску не дают и работают в бешеном темпе. После этого я снимался и в Венгрии, и в Чехословакии, и опять в Германии. И всегда — высочайшая дисциплина, новейшая техника, блестящая организация. А фильмы, как ни странно, хуже наших.

Однажды мне удалось сняться в фильме-круизе! Он назывался «Третий не лишний» Снимал его Анатолий Эйромджан. Шли мы из Сингапура в Одессу и по дороге снимали художественный фильм про этот круиз. Было это в марте месяце, когда в этих странах — Таиланде, Сингапуре, Индии — сорокаградусная жара. А нам еще надо снимать! Сначала казалось, что месяц — это огромный срок, а когда мы вошли в Суэцкий канал и стало холодать, то нам стало жалко, что поездка и фильм уже заканчиваются.

В этом фильме снимались такие актеры как Михаил Державин, Любовь Полищук, Борис Щербаков. И мне кажется, что благодаря им и заморским красотам, фильм понравился зрителям и, наверное, некоторые из них решили повторить наш маршрут.

Были конечно и всякие забавные истории. Помню, в Индии, в городе Хачине наш директор Владимир Соколов ухитрился упасть в придорожную канаву и в ближайшем «Шиномонтаже» залез мыться в ванну для проверки автокамер. И на безумный крик хозяев: «Ноу, ноу, сэр!», — он им бодро отвечал: — «Ес, ес, фрэнды!»

А на Мальдивах, где по сценарию фильма Борис Щербаков и Любовь Полищук танцевали под музыку аборигенов, да так здорово, что туристы с других пароходов стали бросать им деньги, думая что они местные!

Ну, а о съемках в Америке хочу рассказать отдельно. Двумя строчками здесь не обойдешься.

Веселое.

Помню, раньше в Турцию все ездили за дубленками в обмен на бинокли и фотоаппараты «Зенит». А теперь этих дубленок в Москве навалом, поэтому фотоаппараты «Зенит» уже наверное не делают.

Грустное.

Раньше заграница была вожделенна и далека, а сейчас она доступна и, к сожалению, близка. Приехал в Ялту — и ты уже за границей.

Русский бизнес

В 1992 году, когда количество картин сократилось настолько, что нас — артистов вообще перестали приглашать сниматься, я понял, нужно что-то делать! А кругом снимались всякие коммерческие фильмы, быстро выходящие на экран. В основном это были комедии и боевики. Но я считаю, что качественный боевик нашими техническими средствами снять просто невозможно. А если нельзя — так зачем за это браться? Вот комедия — другое дело! Я не хочу сказать, что комедию снять легко. Комедия — это один из сложнейших жанров кино, потому что в настоящем фильме не может быть ни одного второстепенного кадра, ни одного второстепенного слова. Всё должно работать на комедию. И я решил попытаться снять такой фильм. Ну, в первую очередь нужно что? Достать деньги! Ну, деньги достал. Где? Как? Да ни как! Это — коммерческая тайна. А потом достать сюжет. И сюжет пулевой! И его нашел! И по сюжету, вернее идее Евгения Цветкова «Русское сафари», Аркадий Инин написал сценарий «Русский бизнес». Этот фильм Вы, наверное, много раз видели. Он шел по телевизору, продавался на кассетах, но достался он нам нелегко. Я говорю нам, потому что снимал его с сорежиссером — Марком Айзенбергом.

Начали с поиска актеров. У нас сложился хороший ансамбль — Семен Фарада, Наталья Крачковская, Раиса Рязанова, Ирина Феофанова, Вадим Захарченко. А вот с главным героем мы никак определиться не могли. На роль дяди Вани мы приглашали Михаила Пуговкина, Георгия Вицина и Ивана Рыжова. Но, по каким-то обстоятельствам, что-то не получалось. И тут в Москву приехал Савелий Крамаров, позвонил мне по старой дружбе, и дядя Ваня у нас тоже определился. У нас был еще один герой в фильме — это медведь Гоша, можно сказать, самый главный герой. Но где взять такого медведя? Чтобы он был ручным, катался на мотоцикле и, одновременно, чтобы за него не ломили дикие деньги. Я объездил цирки, уголок имени Дурова, но все было не то! И тут мне кто-то сказал, что на Старом Арбате, в трактире выступает медведь, который нам нужен. Я поехал в этот трактир, увидел этого медведя, оговорил всякие детали с его хозяином. И пятилетний медведь Майкл стал нашим героем! Жил этот Майкл в обыкновенной трехкомнатной квартире на десятом этаже. Ездил в лифте и гулял на поводке как собачка. А был он под двести килограмм весом и под два метра ростом, когда вставал на задние лапы. Так что если бы Майкл захотел, то он мог бы разнести всю квартиру, все лифты и весь блочно-

панельный дом.

Но он не разносил, потому что был ручной, в полном смысле этого слова.

Первые съёмки у нас начались на Старом Арбате. Там во всю процветала торговля сувенирами, играли всякие самодеятельные оркестры. В общем — жизнь била ключом! И наш Майкл, т. е. Гоша — по фильму, вместе с Савелием Крамаровым тоже стал достопримечательностью Арбата. Майкл-Гоша демонстрировал всякие цирковые штучки, а дядя Ваня — Крамаров собирал в шапку, себе и мишке на пропитание. Между прочим, Крамаров демонстрировал чудеса храбрости. Он совсем не боялся Майкла-Гошу, сидел с ним в обнимку и, вообще, они сразу стали одним целым.

В дальнейшем съемки проходили в парке «Сокольники». И тут началось самое сложное. По сюжету фильма в финале наш медведь должен был ехать на мотоцикле, но он этого делать не умел. Тогда мы взяли каскадера, одели на него медвежью шкуру и он нам лихо изобразил Майкла-Гошу, как мне кажется, совсем не заметно для искушенного зрителя.

После окончания съемок я стал искать композитора и мне посоветовали Георгия Мовсесяна. Георгий написал, по-моему, хорошую музыку для фильма — такую легкую, веселую! А особенно мне нравится песня «Русский бизнес».

Фильм был готов и мы все стали ждать премьеры, но случилось непредвиденное. Лежу я как-то, загораю в бассейне «Чайка», и один мой знакомый говорит мне: «Видел твой фильм про медведя. Ничего!» Меня, как током ударило! Я думаю: «Как видел?» Он говорит: «Как, как? На кассете!» В то время, помните, выпускались такие пиратские кассеты. Они были без картинки и названия фильмов были напечатаны на машинке, а то и написаны от руки. Короче говоря — фильм украли! Как он появился на кассетах — это загадка. Такова была судьба многих фильмов. Конечно потом, фильм пошел и на экранах, и по телевидению, и вышел на лицензионных кассетах. Но первое впечатление было смазано.

Все герои моего фильма, а также актеры — Крачковская и Фарада перешли в мой следующий фильм «Русское чудо!» Но это уже другой рассказ.

Веселое.

В фильме есть сцена, когда герои — Крамаров, Фарада и Захарченко сидят балдеют в сауне, и крупные капли пота падают с их разгоряченных лиц. Так этот пот мы делали глицерином, так как сауна была холодной. В горячей сауне снимать нельзя — объектив камеры потеет.

Грустное.

Я с героями «Русского бизнеса» сделал фильм «Русское чудо» и «Русский счет». Вроде начали фильм «Русский ковбой», но обстоятельства оказались сильнее нас.

Русское чудо

Следующий свой фильм «Русское чудо» я замахнулся снять, аж в Америке. И весь сценарий Аркадий Инин написал с ориентиром на американскую действительность. Но, как говорят у нас в России — подсчитали — прослезились! И стало понятно, что Америку нам полностью не потянуть. Но, гем не менее, надежды оставались, потому что мы ждали Савелия Крамарова. А Савва все не ехал и не ехал. И мы решили снимать в России без него. Вместо Савелия роль Кошмаровского сыграл Семен Фарада. Тетю Катю — конечно же — Наталья Крачковская. Я играл авантюриста Ивана. А на роль администратора, которого должен был играть Семен Фарада, мы взяли Рудольфа Рудина — любимца публики — пана Гималайского.

Стали искать подходящие интерьеры — магазины, кафе. И нашли! Оказывается, псевдоамерику можно снимать в гостинице «Континенталь». А шикарные «белые» номера мы нашли в гостинице «Звездная». Но нам нужна была ещё улица и толпа. А где её взять — американскую толпу? Толпу тоже нашли. Основные съёмки зала, где Кошмаровский — Фарада дурачит доверчивую публику, проходили в доме культуры имени Зуева, что на Лесной. Массовка доходила до четырехсот человек! Сейчас такое трудно представить, а тогда получалось. Даже американский аэропорт мы ухитрились снять в Шереметьево, в самом таком заграничном уголке. Но когда начался монтаж, то увидели, что без Америки, конечно, не обойтись. Без ее улиц и машин, без ее шикарных дорог и домов. Я все-таки изловчился и, вдвоем с оператором Александром Массом, мы двинули в Штаты. Мы поехали не в Нью-Йорк или Чикаго, а в Майами. Нам не нужны были каменные джунгли, нам нужен был город попроще, и тем более, там живет мой московский друг — Саша Гофман. В Майами, конечно, тоже есть небоскребы, но большая часть курорта невысокая. Но зато какие дороги! Какие развязки! Сейчас в Москве такие появились, а в девяносто третьем о них и не слышали. А аэропорт «Майами» — это вообще целый город! Вот там-то мы и сняли продолжение нашего шереметьевского аэропорта. Я иногда присутствовал в кадре как актер и все получалось очень органично.

Майамские магазины срослись с магазинами «Континенталя», а из окошек гостиницы «Звездная» наши герои наблюдали американскую жизнь и проносящиеся поезда на воздушной подушке. Монтаж — великое дело!

Жили мы в крошечной двухэтажной гостинице «Дельфин»,

что на берегу океана. Каждый день мы купались в горячей океанской воде. Стоял июль месяц. Жара — под сорок градусов! Эту температуру мы каждое утро узнавали на больших городских часах.

Снимать фильм нам никто не мешал, полиции мы были не интересны. Правда наш громоздкий деревянный штатив под камеру вызывал у американцев шок. В съёмках нам очень помог мой друг — Саша Гофман — сын известного писателя Генриха Гофмана. Саша уже давно живет в Майами и все знает там наизусть. Он возил нас на огромном серебряном кадиллаке, который можно увидеть в кадре. Были мы в Майами всего неделю, но ухитрились попасть пару раз в тропический ливень. Там в июле как раз сезон дождей. Тропический ливень — это когда дождь идет стеной так, что даже не видно впереди идущую машину. Но этот ливень не освежает, потому что он такой же горячий, как и воздух. Вообще Майами это благодатный уголок, если бы не чудовищная жара.

Но, поездка наша, можно сказать, удалась. Майамские кадры очень украсили фильм.

Часть наших съёмок проходила на борту самолета. Но где взять свободный самолет на целый день? Арендные цены нам объявляли просто сумасшедшие. И тут мне подсказали, что огромный самолет с настоящим салоном стоит на бывшей ВДНХ. Я поехал туда. Самолет стоял. Салон был шикарным. В общем это было то, что нужно! И мы сняли наши перелеты Москва–Майами, Майами–Москва на ВДНХ. А в кадре все здорово — и двигатель ревет, и стюардесса тележку катает, и огоньки мигают, а за иллюминатором, конечно — то Шереметьево, то — майамский аэропорт. Тут, как говорят в народе: «Вот так дурят нашего брата!»

Интересными были съёмки в таможне аэропорта «Шереметьево». Нам дали специальный коридор. И мы в каждом дубле ходили за границу туда и обратно, туда и обратно. Даже паспортный контроль проходили несколько раз. Правда мы — пешком, а Фарада — на каталке.

В майамском порту, конечно же, все было сложнее. Наш представитель аэропорта нам объяснил, что снимать можно, но по-американским законам нужно получить разрешение каждого пассажира, находящегося в этот момент в кадре. Но для наших мозгов — это слишком! И мы снимали втихаря. Вот такая она — Америка!

Веселое.

Когда мы снимали Америку в московской гостинице «Звездная», то Наталья Крачковская умудрилась сломать кровать,

рухнув на нее вместе с Фарадой от радости приезда в «Америку». Пришлось платить за урон из скудного картинного бюджета.

Грустное.

Наверное, если бы в картине снялся, как было задумано, Савелий Крамаров, картина была бы совсем другая. Лучше или хуже, но совсем другая.

Круиз-фильм

Только я закончил снимать фильм «Русское чудо» и собрался приступать к подготовке фильма «Русский счет», как мне позвонил мой друг — сценарист и режиссер — Анатолий Эйромджан и предложил сниматься в фильме «Третий не лишний» Я сначала отказался, сославшись на занятость. Но Толя так расписал мне проект будущего фильма, что я согласился. Да и правда, сценарий был интересный, партнеры тоже замечательные — Борис Щербаков, Любовь Полищук, Михаил Державин, Роксана Бабаян, ну, а место съёмок или как у нас говорят — «натура» — вообще потрясающая!

Фильм должен был сниматься на круизном лайнере «Казахстан», по маршруту Сингапур — Одесса. Ну, скажите честно, кто откажется от такого предложения? И я полетел в Сингапур.

Анатолий Эйромджан никогда время зря не теряет. Он начал снимать еще в Шереметьево. И вообще, он составил разумный график съёмок. Все по порядку — вылетаем из Шереметьево — снимаем в Шереметьево, летим в самолете — снимаем в самолете, садимся на пароход в Сингапуре — снимаем посадку на пароход. И так все по порядку, до самой Одессы, целый месяц. Но в Сингапуре на пароходе у нас произошла небольшая накладочка, пассажиры парохода должны были улететь в Россию, а мы прилететь на их места, но они, почему-то не улетали. На пароходе толчея, обед в четыре смены, на палубу не выйдешь — жарко. И в такой тесноте мы жили два дня и еще ухитрялись снимать. Но зато после отъезда предыдущих туристов стало просторно и тихо.

В Сингапуре мы снимали красивейший аэропорт и великолепные дороги-развязки, очень похожие на американские. Но в одном городе особенно не наснимаешься, т. к. пароход идет и каждое утро — новый порт.

Первым нашим портом после Сингапура был остров Пукет в Таиланде. Там мы, с моими партнерами Ольгой Толстецкой и Михаилом Державиным, снимали сцену в кафе. Днем, на солнце, в марте месяце. В Таиланде март уже не туристический сезон. Обычно туристы приезжают на отдых в декабре, январе и до середины февраля. А дальше — дикая жара до самого ноября. Я потом еще два раза был в Таиланде, но на встрече Нового года. Вот это благодать — днем — 25–26 градусов, ночью — 21. Прохладно! А в марте, как я уже сказал — кошмар. Но, тем не менее, сцену в кафе мы сняли невзирая на жару. После этого

пришлось минут тридцать освежаться в бассейне ближайшего отеля. Тайцы никакого интереса к съёмкам не проявляли. Они видно так привыкли к туристам, что их ничем нельзя удивить.

А потом у нас был пятидневный переход по Индийскому океану до острова Шри-Ланка. Во время перехода нас застал шестибалльный шторм. О съёмках нельзя было и думать. Пассажиры, которые плыли в носовых каютах, колотились головой о потолок. Меня особенно не укачивало, я жил на корме. Порт Шри-Ланка встретил нас огромным базаром, где продавались все прелести Востока.

А потом наш путь лежал в индийский порт Качин. Мы снимали проезд героев по городу на велорикше, а вся группа сидела в автобусе без окон и дверей. А зачем в Индии окна и двери, там всегда тепло. В автобус заглядывали любопытные коровы, гонять их нельзя, они там священные животные и очень похожи на наших бездомных собачек, болтаются где хотят.

В Индии снимать трудно. Индусы очень любопытны. Они окружают съёмочную площадку огромной толпой и уговорить их отойти просто невозможно. Так что мы решили применить военную хитрость: в одном месте, вроде бы готовились к съёмкам, а в другом — снимали. Вот таким образом избавлялись от любопытных. Так же мы снимали сцену заклинателя змей. Настоящая кобра под звуки дудочки поднимается вертикально из мешка и раздувает щеки. Дрессировщик говорит, что ее в этот момент можно потрогать — она под гипнозом.

Дальше наш маршрут пролегал через экзотические Мальдивы, такие красивые, что артисты на них потерялись. И их собирали полдня. Эйромджан возмущался, шумел, делал страшные глаза, но потом простил, ведь на Мальдивах часто не бывают!

А потом опять был пятидневный переход, аж до самого Йемена. И каждый день — съёмки! Мне особенно обидно было сниматься после обеда, когда стоит жара и хочется где-нибудь отдохнуть в тенечке. А тут — нет, иди, снимайся, изображай, как тебе хорошо и прохладно на верхней палубе.

В Йемене основные съёмки проходили на рынке, где ничем, кроме бананов, мне кажется, не торгуют. А бананы все разные — от маленьких, с фалангу пальца, до здоровых, полукилограммовых, наверное, кормовых. И все эти бананы мы должны были есть и обязательно с удовольствием.

А потом мы по Красному морю отправились в Египет, прямо в Порт-Саид. Порт-Саид — это такой огромный оптовый рынок, который начинается прямо в порту на воде, он работает до глубокой ночи, и тянется на многие километры. Все это тоже

вошло в наш фильм. Мы старались выбирать самые экзотические торговые лавочки и самых доброжелательных хозяев.

Пароход стоял в Порт-Саиде два дня. И после наша съёмочная группа вместе с туристами, на шести автобусах, под охраной полицейских отправилась к пирамидам. Путь не ближний — ехать десять часов! Но ради таких съёмок можно потерпеть. Мы снимали сцены на фоне пирамид, рядом с пирамидами и внутри пирамид. Мне кажется, что это одни из лучших сцен фильма.

А потом мы долго шли по Суэцкому каналу до самой Александрии. Уже подуло холодным ветром и нам пришлось расстаться с шортами и майками. А когда мы пришли в Стамбул, так погода была почти наша, московская, апрельская. Ведь шли мы целый месяц!

Вместе с круизом закончилось и наше кино. Анатолий Эйромджан уложился день в день. И мне кажется, что сотрудники «Примэкспресса» — организаторы круиза, обязаны создателям фильма за такую замечательную рекламу.

Веселое.

Когда я прилетел в Сингапур и сел на пароход, у меня был целый месяц. Я думал: «Как это долго!» А когда через месяц я сошел с парохода в Одессе, то сказал: «Как это быстро!»

Грустное.

Месяц, находясь в круизе, я конечно же не смотрел телевизор и не читал газет. Приехал, включил. А там говорят, говорят и все то же самое!

Мосфильм

Начав работать в театре Маяковского, я стал частым гостем Мосфильма, правда сначала совсем в маленьких эпизодических ролях. Помню две свои крошечные роли у замечательного режиссера Михаила Швейцера в фильмах «Время, вперед!» и «Золотой теленок». В фильме «Время, вперед!» я играл милиционера с пятью фразами. А в фильме «Золотой теленок» — секретаря. Кульминацией эпизода было сбрасывание героя Зиновия Гердта с крыльца какой-то конторы, куда он ломился.

Снимался фильм в Юрьев-Польском, под Суздалем. Нас поселили в жуткой гостинице на последнем этаже. Кровати были с панцирными матрацами, которые, когда мы ложились, сразу проваливались до пола. Нас в этой комнате жило трое — Николай Боярский, игравший Козлевича, Леня Куравлев — Балаганов и я. Мы приехали и сразу завалились спать. И вдруг в шесть утра услышали оглушительные, хриплые звуки гимна «Союз нерушимый». Мы вскочили. Коля Боярский бросился к окну и закричал: «Ребята, да здесь громкоговоритель висит, под нашим окном!» Мы дружно заорали: «Рви провода!» Коля выполнил наше требование и мы завалились спать дальше. Но через пять минут раздался оглушительный стук в дверь. Оказывается пришли снизу из швейной фабрики, которая шила подушки. Она почему-то начинала работать в шесть утра, и радио для сотрудников было окном в мир. Пришлось нам сбегать из этой замечательной гостиницы на частные квартиры.

Вообще на Мосфильме в те времена любили забраться со съёмками в какую-нибудь дальнюю киноэкспедицию. Например, фильм «Три времени года» мы снимали сначала в Кандалакше, это за Полярным кругом, а потом в Братске — тоже не ближний свет!

Фильм «Хозяин тайги» снимали в глубине Красноярского края на реке Мана. «Вечный зов» — в городе Новотроицке под Магнитогорском. Лететь туда нужно было самолетом с тремя пересадками. Притом «Вечный зов» снимался в этом Новотроицке года полтора. В основном снимали в горах. Утром тащились в эту гору часа два, объедаясь по дороге малиной и облепихой. Но зато, когда снизу раздавалась команда «Обед» — все слетали с этой горы за двадцать минут!

А такой фильм как «В тылу врага», снимался в Германии и Чехословакии. В те времена всеобщего дефицита, конечно же все в свободное время носились по магазинам. Из Чехословакии тащили люстры и кожу. И смешной артист — Саша Лебедев,

врываясь в магазин, кричал: «У Вас есть женская кожа? Мне дочка заказывала!»

А фильм «Крах операции «Террор» мы снимали в Польше. Позднее фильмы начали снимать все ближе и ближе к Москве. Оказывается под Москвой есть и тайга, и горы, и даже — море. А раньше, когда я снимался у Сергея Федоровича Бондарчука в фильме «Степь», то съёмки проходили в настоящей степи под Ростовом целых три месяца. И когда мы не успели отсняться, так как началась глубокая осень, то степь построили в одном из павильонов Мосфильма. Те же стожки, та же трава, те же телеги. И даже лошади паслись. Только небо было настоящим.

Сейчас на Мосфильме я не был уже давно. К сожалению — не зовут!

Веселое.

На Мосфильме была специальная актерская картотека, в которую были занесены все артисты Союза. В учетной карточке был указан цвет глаз, цвет волос, рост, вес и даже размер обуви. Мне недавно удалось взглянуть на свою карточку. Оказалось, что когда я пришел на Мосфильм, то весил всего 69 кило, а сейчас — под сто! Откуда что берется?

Грустное.

Сейчас, конечно, не часто приходится бродить по коридорам Мосфильма. Там теперь пусто и звонко. А раньше — это был парад актеров, актрис и массовки!

Ленфильм

Кроме Мосфильма и киностудии имени Горького, существовал совершенно особый мир — Ленфильм! Там в те годы работали такие режиссеры, как В. Мотыль, Г. Панфилов, Л. Хейфец, В. Трегубович. У всех этих режиссеров мне удалось сняться в самом начале моего кинематографического пути. На Ленфильме все было как-то по-другому. Там не было длинных коридоров и огромных павильонов, но жизнь кипела во всю. И мы — молодые московские артисты, с радостью принимали приглашение от этой киностудии. Самое интересное, что своих ленинградских, они почти не снимали. Ленинградцы снимались в Москве. И так, мы — питерские и московские артисты, встречались в поезде «Красная стрела». Кто-то ехал домой, а кто-то — из дома.

Вообще мне кажется, «Красная стрела» была частью кинопроцесса. Ты садился в поезд в приятном ожидании, что завтра утром у «паровоза» тебя будет встречать ассистент новой картины.

В «Красной стреле» тогда был буфет в десятом вагоне. И вот, все едущие артисты из двух городов встречались в этом буфете. И пьющие, и непьющие, и завязавшие торчали там до самого закрытия. Потом, после пожара на одном из поездов по ленинградской дороге, как раз в злополучном буфете, жизнь пошла более скучная! Буфет закрыли. Тусовались по купе. И так было долго. Сейчас в «Красной стреле» не то, и буфет, и ресторан всю ночь работают, только артистов нет. Некуда им ехать. А прежде некоторые просто «жили» в этой «Стреле». Снялся в Питере — и на спектакль в Москву. Снялся в Москве — и на спектакль в Питер. Так же можно было судить о «крутизне» актера. Сначала артист едет, допустим, в четырехместном купе. В главной роли снялся, едет уже в двухместном. А когда уже совсем забурел от славы — то и один в двухместном.

Первой моей работой на Ленфильме была картина «Женя, Женечка и «катюша», правда она в Питере и не снималась, но все равно ленфильмовский дух ощущался. Режиссеры любили снимать подальше от Питера. Помню, картина Глеба Панфилова «В огне брода нет» снималась в заштатном городишке Муроме. Кажется не так далеко — Владимирская область, но добирались все рано с проблемами — поезд ходил очень редко.

А вот режиссер Виктор Трегубович снимал свою знаменитую «Даурию», аж в Чите. У меня была интересная история, связанная с этим фильмом. Я снимался уже в трех фильмах и меня

приглашали еще сниматься в «Даурии», а роль — одна из главных. Я отказывался, упирался, но Трегубович уговорил меня.

Фильм был сложный: из паровоза я падал, с лошади не слезал, кругом стрельба, взрывы, драки и, притом — в любое время года. Там была сцена, когда нас с Виталием Соломиным — двух героев фильма, белоказаки ведут на расстрел. Снималась эта сцена в городе Нарве в феврале месяце в двадцатиградусный мороз. Мы должны были быть в одном белье — в белых кальсонах и рубашках. Но мы с Виталием одели под нижнее по-шерстяному тренировочному костюму и… выходим! Трегубович кричит: «Что это они как пингвины? Снимите с них утепление и порвите белье, чтобы тело проглядывало!» Порвали белье, вышли мы на улицу, смешались с «моржами», которые были приглашены на съёмку изображать голых пленных. Через двадцать минут мы уже ничего не соображали от холода. Тут бы нас растереть спиртом и внутрь дать, да спирт кончился. Сказали, что все выпили «моржи». Как мы не заболели — это чудо!

А вот фильм «Хозяин», где я играл в главной роли матроса Иванова, снимался в самом Ленинграде, почему-то по ночам. И помню, что я почему-то ехал на съёмку на последнем трамвае через весь Питер со всей массовкой в морской форме.

Селили артистов в Ленинграде в основном в двух гостиницах — «Октябрьской» и «Ленинград». Но все больше любили «Октябрьскую», все-таки рядом с Московским вокзалом, так сказать — по дороге домой. Последнее время я живу в гостинице «Московская». Это — филиал «Октябрьской». Она, конечно, не «ах», но я к ней привык. Во-первых, она на Невском, а мне пройти по Невскому и утром, и вечером — всегда праздник; во-вторых — рядом с вокзалом; а в-третьих, для меня там всегда есть место.

Последний раз на Ленфильме я был на картине Алексея Германа «Хрусталев, машину!» Сейчас это уже знаменитый фильм, собравший все возможные призы, а тогда он был еще в стадии озвучания. И я озвучивал одного из героев. Почти три недели. Но это разве срок для фильма Германа, который он снимал семь лет?

Работать у Германа — это праздник, потому что он обожает артистов, очень ценит юмор, и вокруг него царит непередаваемая творческая атмосфера великого таинства кино.

Веселое.

Раньше мы ездили на съёмки в Ленинград, а сейчас, если едешь, то в Санкт-Петербург. А поезд все равно называется — «Красная стрела».

Грустное.

Раньше в Питере было как? Приезжаешь ты утром из Москвы,

тебя везут на съёмочную площадку, ты весь день работаешь, и только вечером тебя везут устраивать в гостиницу. А сейчас попробуй артиста отправить сразу на съёмку, да он администратору нос откусит.

Русский счет

После окончания фильма-круиза «Третий не лишний!», я навалился на свой очередной фильм — «Русский счет». Вообще рабочие названия моих фильмов были другими. «Русский бизнес» назывался «Сафари по-русски», «Русское чудо» — «Бизнесмены», а «Русский счет» — вообще, просто «Дважды-два». Но потом на телевидении мне предложили объединить эти фильмы, вроде бы как в сериал, но уже с нынешними названиями.

Так вот, «Русский счет» мы снимали в Сочи. Но перед съемками возникли проблемы с актерами. Моего партнера «Штопора» должен был играть Семен Фарада. Но у него появились какие-то проблемы в театре и поехать на двадцать дней в Сочи он не мог. Стали искать замену. А с комедийными артистами у нас беда, полный дефицит. Комедийный артист — это штучный товар. И тут я вдруг вспомнил о ленинградце Вите Ильичеве, с которым мы до этого снялись в фильме «Говорящая обезьяна». Я позвонил Вите в Ленинград, он дал согласие, и вопрос с кадрами был решен. А кадры у нас были отличные — Крачковская и Куравлев, Валерий Носик и Толя Обухов, а также несколько молодых актеров.

Жили мы в Сочи в гостинице «Дагомыс». Раньше о ней нельзя было и подумать. А тут — пожалуйста! Сколько угодно номеров, шведский стол, корты, бассейны, сауны и все такое прочее. И все это мы использовали для съемок. У нас была договоренность с дирекцией и мы всюду были вхожи. Втихаря снимали в номерах на халявной гостиничной электроэнергии. Правда пару раз вырубало электроэнергию во всей гостинице, но нам это сходило с рук.

Нашим главным помощником по Сочи был мой старый сочинский друг — Евгений Марченко. Он помогал нам и с техникой, и с машинами, и связями с милицией, в общем — во всем! Он даже привез нам для съёмок настоящую бытовку, которая была нужна по сюжету. У нее, правда, в первую же ночь украли дверь. И нам пришлось искать новую. Но бытовка свою роль сыграла.

Некоторые сцены фильма снимались на пляже. В октябре снимали жаркое лето. На пляже все одеты. Но мы, просьбами и личным примером, уламывали людей раздеться, и на экране лето получилось убедительным.

Сцены погонь мы снимали на горе «Малый Ахун». Нам казалось, что они выглядят быстро, лихо и опасно. Но, когда я посмотрел отснятый материал на экране, то понял, что скорости

— не те! Выручила музыка Георгия Мовсесяна. Все стало быстро и красиво.

Снимали мы фильм двадцать дней, без единого выходного дня. И вообще, разве можно артистам в Сочи давать выходные? Они же все сразу разбегутся и потеряются. Но мне кажется никто особенно и не уставал. Все-таки — море, солнце, красотища!

Финал фильма снимался в городской сочинской больнице. В эту больницу наши герои попадают после автокатастрофы. Там они лежат на вытяжке со всякими гирьками, рычагами и растяжками. И все они с головы до ног перебинтованы. Так вот, такого количества бинтов на четырех героев в больнице не нашлось. Пришлось собирать по-всему городу. Короче, бинтовали — три часа, снимали — полчаса, а потом час разматывали бинты. Вот такая производительность!

Веселое.

Когда мы снимали сцену приезда наших героев на вокзальной площади, то на съемочную площадку прорвался один пьяный мужик, очень хотевший сняться. Его пару раз выводили, а на третий раз он ворвался с букетом цветов и преподнес его Наталье Крачковской. Эта сцена и вошла в фильм.

Грустное.

Город Сочи — прекрасное место для съёмок. Все там есть — и море, и яхты, и экзотическая растительность. Но почему-то в последнее время кино в Сочи совсем не снимают.

Анатолий Эйромджан

Помните такой замечательный фильм — «Самая обаятельная и привлекательная»? Да как его не помнить, если его показывают по телеэкрану два-три раза в год. В этом фильме, мне кажется, снимался самый звездный состав, который можно только представить! Ирина Муравьева и Александр Абдулов, Леонид Куравлев и Лариса Удовиченко, Александр Ширвиндт и Татьяна Васильева, Людмила Иванова и Владимир Носик. Я в этом фильме играл Леху Пряхина — инженера-конструктора второй категории. Снял этот фильм на киностудии Мосфильм режиссер Геральд Бежанов, а вот сценарий этого замечательного фильма написал Анатолий Эйромджан.

Анатолий Эйромджан — инженер из Баку, окончил в Москве Высшие курсы режиссеров и сценаристов. Но писать он начал гораздо раньше и был даже обладателем нескольких литературных премий. А подлинный талант Эйромджана раскрылся только после перестройки. Он попробовал себя в режиссуре в фильме «За прекрасных дам!» Потом пошли, полюбившиеся миллионам зрителей, фильмы «Бабник» и «Моя морячка». Я в них, к сожалению, не снимался, а встретился с Анатолием только на «Новом Одеоне». Этот фильм — комедийный калейдоскоп, состоящий из десятка новелл. А какие артисты в этих новеллах заняты! — Александр Панкратов-Черный и Харатьян, Меньшов и Муравьева, Державин и Бабаян, Носик и Моргунов. Я в играл в двух. В одной — мужчину, а в другой — женщину! Видите, все фамилии актеров — значимые. Все они раньше уже снимались у Эйромджана и менять их он не собирается, только варьирует — в одном фильме один актер, в другом — другой, чтобы обидно не было. И вообще Толя очень любит своих артистов. Пишет специально на них, зная возможности каждого. Он умеет найти общий язык с этой бандой кинозвезд. К каждому нужно найти правильный подход и нужное слово.

Но, вообще, Анатолий Эйромджан — боец, он всегда сможет отстоять свою точку зрения. Тысячей аргументов засыплет любого оппонента, умеет сражаться за свои убеждения как никто другой. В работе он фанат, никогда не устает! Вернее я никогда не видел его уставшим. Анатолий не может терпеть выходных, праздников, потому что считает, что они сжирают время. И фильм всегда снимает на одном дыхании, в рекордные сроки.

Мы — актеры, снимающиеся у Эйромджана, знаем, что на время съёмок его фильма нужно освободиться от всяких других

дел, потому что съемки Анатолия — это шквал без выходных по десять часов в любую погоду и время года.

После «Нового Одеона» я снимался у Эйромджана в фильме «Третий не лишний». О нем я уже рассказывал. А после этого был фильм с пикантным названием «Импотент». В нем была интересная история. Снимали мы на квартире маршала бронетанковых войск, кстати, соседа Натальи Селезневой. Она и порекомендовала нам эту квартиру.

Маршала уже давно нет, а вдове, живущей на маршальскую пенсию, арендные денежки совсем не помешали.

Так вот, снимаем мы сцену на кухне и Анатолий говорит хозяйке:

— Уберите, пожалуйста, из шкафа модель танка, она не гармонирует с кухонной утварью.

А хозяйка отвечает:

— Это не танк, а графин такой!

— Как графин? — воскликнули мы.

— А вот так! — объяснила хозяйка. — Башня танка — это графин. На ствол нажмешь — из него коньячок потечет прямо в рюмочки, которые на броне закреплены. Это подарок моему мужу от умельцев-однополчан, — горячо закончила хозяйка.

Так этот танк стал одним из героев нашего фильма. Я с ним, по фильму, вообще не расставался. Ходил с танком в гости как с бутылкой. Анатолий Эйромджан сумел полностью использовать эту находку, которая здорово сработала на пользу фильма. Про этот танк, кто только не спрашивал! Даже была задумка — выпустить такой сувенир, но руки не дошли.

Вскоре у Анатолия созрел сюжет нового фильма — «Примадонна Мэри». Эта идея родилась у него после просмотра программы «Знак качества». У этой идеи была одна большая сложность. Снимать фильм нужно было в Америке, желательно в Майами. Актеры подобрались, что надо! Борис Щербаков, Ирина Розанова, Тамара Акулова, Наталья Селезнева.

Я играл американского лоха-эмигранта — Мишу. Еще для достоверности сюжета мы пригласили известных политиков — Валерию Новодворскую и Константина Борового. А песню «Заграница» исполнял бард-эмигрант — Михаил Гулько, которого специально для этого пригласили из Нью-Йорка.

Жили мы в мотеле на берегу океана на Каленз Авеню, а номер дома нашего мотеля был — 17001, вот такая длинная улица; идет через весь Майами аж километров тридцать! Окна моего номера выходили на океан. Я все думал: «Вот как здорово устроился! Открываешь утром глаза — и океан…» Я даже не закрывал балконную дверь. Но однажды был сильный шторм с

диким ветром. Это частое явление в Майами. В открытую дверь номера мне нанесло столько песка, что я проснулся как на пляже. С тех пор я даже в ясную погоду закрывал дверь на балкон, тем более, что кондиционер работает круглосуточно.

Вообще те, кто думает, что Майами — это такая ровная, хорошая погода, тот ошибается. Там погода сезонная. И когда мы приехали в феврале — было даже прохладно. А в океане купаться в это время вообще нельзя — дикий холод! Но нам с Ириной Розановой, как всегда в кино, пришлось в этом океане купаться в марте месяце, да еще ночью, когда ветерок очень свежий.

С этой съёмкой ночного купания была интересная история. Собрались мы снимать эту сцену в два часа ночи, но так как электропровода из отеля до берега не достают, Анатолий Эйромджан купил генератор, который питал приборы и освещал берег как днем. Но этот генератор издавал такой грохот, который американцы, наверное, не слышали со времен Второй мировой войны.

Только мы с Розановой залезли в ледяную воду и стали делать вид, что нам очень хорошо и приятно, как подъехала полиция. Мы думаем — все, труба! Арестуют! Выключили генератор, притихли и послали человека узнать — в чем дело? Когда он вернулся и радостно закричал: «Врубай!», — мы спрашиваем — «Как? Что? Почему?» — а он говорит:

— Это полиция приехала нас охранять, чтобы нам никто не помешал!

В Америке очень серьезно относятся к кино!

В мотеле «Дюна», в котором мы разместились, жили богатые американские старички и старушки, в основном из северных штатов. Они приезжают сюда на зимний сезон. И все номера в мотеле их собственность — такие однокомнатные квартирки со всеми удобствами. Весной старички уезжают домой, а летом сдают до следующего сезона. И, между прочим, уезжают всегда своим ходом, в основном на «Линкольнах». Наши дедушки и бабушки такого даже не представляют.

Русских в Майами навалом. Недалеко от нас был открыт специальный видеосервис, в котором продавались все фильмы Эйромджана. А в ночном клубе «Дюна» Анатолий провел премьеру своего фильма «Ночной визит». Народу набилось видимо-невидимо — целый клуб.

Когда мы закончили фильм «Примадонна Мэри», у Эйромджана родился план — снять еще один фильм — «Когда все свои». Актеры были все под рукой — и Щербаков, и Розанова, и я. За неделю Анатолий написал сценарий, а еще за неделю мы его сняли. Основное качество Эйромджана — у него моментально

возникают новые идеи и он их тут же осуществляет.

Снимали мы фильм на вилле. Прекрасной вилле, на которой живут не американцы, а наши. Хозяйку зовут Рита, она, между прочим, эмигрантка из Молдавии. Работает сейчас в Майами на трех работах, и ничего! Живет!

Фильм шел тяжело. Мы, конечно, устали после съёмок первой картины, но энергия Эйромджана побеждала все. Премьеры фильмов состоялись в один день в Москве в Доме кино. Вообще, Анатолий очень любит премьеры. Он собирает всех своих друзей, корреспондентов и всегда устраивает из премьеры праздник.

В канун Нового года оба этих фильма пошли по центральному телевидению. Но до их премьеры — Эйромджан ухитрился снять свой новый фильм — очень трогательный и смешной и, как всегда — с большим количеством кинозвезд. Фильм называется «Ультиматум». Действие его происходит в кардиологическом отделении больницы. А сердечников играли любимые артисты режиссера. Работягу — Куравлев, шофера — я, инженера — Володя Носик, дядю Ваню — Владимир Андреев, маляра — Щербаков и «делового человека» — Панкратов-Черный, а нашу добрую фею-медсестру — играла Галина Польских. Ирина Дмитрякова — топ-модель и телеведущая была нашим лечащим врачом. И вся эта бригада лежала в гинекологическом отделении 51-ой больницы, т. к. в кардиологии лежать — очень дорого для фильма. Мы там пугали и одновременно веселили бедных женщин как могли.

Мы с Леней Куравлевым играли лежачих, а все остальные шастали по палате. Мы бы тоже могли, конечно, пошастать в свободное от съёмок время, но были приклеены скотчем к капельницам, а с ней далеко не уйдешь. Но лежачего тоже играть не плохо! Можно втихаря и поспать.

Харчи больничные, конечно, слабые. И на наше возмущение администрация отвечала: «Вы же снимаете в бюджетном отделении, а вот если бы в коммерческом — тогда другое дело!» Но куда нам коммерческое, когда фильм у нас малобюджетный.

Анатолий Эйромджан здесь тоже проявлял чудеса стойкости и энергии, пока мы весь день по койкам лежали, он весь день у камеры на ногах, на жаре и хоть бы хны! Он помнит каждое слово текста и знает кто куда пошел, и кто откуда вышел. Этот фильм снимался на одном дыхании — легко и просто! Во-первых — компания хорошая и при том все вместе из кадра в кадр. Так хохотали и так духарились, что Эйромджан нас с трудом останавливал.

Совсем недавно прошла очень успешная премьера этого фильма. Опять в Доме кино, опять при большом стечении народа

и даже с шикарным банкетом в ресторане «Кабанчик».

Сейчас Эйромджан опять снимает, опять в работе. Новая кинокомедия — «День святого Валентина». Работа в кино — это стиль жизни Анатолия. Он не может не снимать. Он или пишет сценарий, или снимает, или монтирует, или готовится к съёмкам.

Веселое.

Мы с Эйромджаном знакомы более двадцати лет и все время спорим. О чем? А обо всем! Спорим, спорим, спорим, а каждый остается при своем мнении.

Грустное.

Анатолий Эйромджан говорит, что те комедийные актеры, которых он постоянно снимает в своих фильмах — последние в российской комедии. За ними никого не видно. Неужели, это — правда?

Русский ковбой

После относительного успеха моей кинотрилогии, я решил продолжить в этом же жанре. И мы с Аркадием Ининым задумали сценарии ещё двух фильмов — «Русский ковбой» и «Русский детектив». Сценарий «Русского ковбоя» родился быстро. Это веселая история казака, который приехал в Москву искать своего брата-бизнесмена. На роль казака, т. е. русского ковбоя, мы пригласили Александра Панкратова-Черного. Эта роль была написана специально для него. Да и кого лучше можно представить в этой роли? И начались подготовки к съёмкам. Начали, конечно, с лошадей. У нас в Москве, в Битце, есть специальный парк, где всех желающих обучают верховой езде. Вот там-то мы и подобрали вороного жеребца по кличке «Решка». На роль тети Кати, конечно же, была приглашена Наталья Крачковская. Да я, вообще, ни одного своего фильма не мыслю без Натальи. Она у нас должна была играть главу рыночной мафии и торговать на рынке пирожками. Мы сделали ей специальный бак, на котором было написано сверху — «пирожки», а снизу другим шрифтом — «обмен валюты по-льготному курсу».

Места действия фильма у нас были выбраны самые разнообразные. Это и оптовый рынок, и шикарный ресторан, и казино, и даже роскошная спальня, в которую попадает наш герой, познакомившись случайно с любящей экзотику банкиршей. Но спальню мы не собирались строить или покупать, а договорились ее снять в мебельном салоне. И нам не накладно, и салону — реклама. Для работы над фильмом сняли офис на студии научно-документальных фильмов, развесили на стенках фотографии исполнителей ролей, составили график съёмок и с нетерпением стали ждать первого съёмочного дня. И тут грянул кризис. Но я по сей день, несмотря ни на что, этот фильм надеюсь снять, потому что идея больно хороша! И артисты рвутся в бой!

Веселое.

В фильме «Русский ковбой» есть такая сцена — наш герой при въезде в Москву проезжает на лошади пост ГАИ. Я поехал, договорился с гаишниками обо всем и они мне сказали: «Ждем!» Сейчас, когда прошло много времени, я довольно часто проезжаю мимо этого поста. И они мне все время кричат: «Ну, когда?» А я им бодро отвечаю: «Ждите!»

Грустное.

Я узнал, что одного из героев нашего фильма — вороного жеребца «Решку» купили новые русские. Так, что придется искать

нового лошадиного героя.

Спорт

В детстве я был такой хиловатый паренек — длинный и тонкий. И мама моя хотела, чтобы я занимался спортом. Она считала, что самым лучшим видом спорта является гребля. Она сама очень увлекалась этим делом, еще с Владивостока. А я к этой гребле был равнодушен. Гребешь, гребешь — чего там хорошего-то?

И все же, начитавшись Дюма, я пошел в спорт. Занялся фехтованием. Помню, занимался в «Динамо» у замечательного тренера — Раисы Ивановны Чернышовой. А тогда, между прочим, все занятия были бесплатными, не то что сейчас. Я получил удостоверение «Юный динамовец» и года два прыгал с рапирой, но далеко не пошел.

Но учтите, таких красивых белых костюмов, как сейчас, тогда не было. Мы фехтовали в довольно страшненьких стеганых нагрудниках и в трусах. В общем, видок — тот еще! Мушкетеры! А команды, между прочим, отдавались на французском языке. Слов было не много, но — тем не менее. И рапиры-то у нас были далеко не новые. Клинки были сварены. И вот такими сваренными клинками мы тренировались. Но даже в такой форме и на таких клинках Раиса Ивановна Чернышева воспитала многих чемпионов Европы, мира и Олимпийских игр.

К сожалению, в театре и кино мое умение фехтовать ни разу не пригодилось. Или такие фильмы не ставились, или такие роли не доставались.

После фехтования я, все таки, послушав маму, пошел в академическую гребля. А греблей в Москве, в основном, занимались на Стрелке. Стрелкой в Москве называется слияние Обводного канала и Москва-реки. Сейчас на Стрелке стоит памятник Петру.

Мы с моим другом Олегом Ериным пришли на эту Стрелку и попросили, чтобы нас записали в секцию гребли. Нас записали и мы стали рассекать просторы Москва-реки и Обводного канала на распашной двойке «Днепр». Скажу Вам сразу, что академическая гребля — это что-то типа галер. Сидишь на такой узенькой-узенькой лодочке, на маленькой-маленькой скамеечке на роликах, держишь два огромных весла и самая главная задача экипажа — удержать равновесие и не перевернуться!

Тренируешься часа два-три, потом еле ноги до дома дотаскиваешь, потому что гребля — это самый трудный вид спорта. Но у нас был один стимул. Я говорил, что жил на набережной, и у нас был самый кайф — подъехать на лодке к

дому и повертеться на глазах у товарищей и знакомых. Потом мы по Москва-реке доходили до другой стрелки, уже у Устьинского моста, и по Обводному каналу возвращались на базу.

Водичка в Москва-реке была еще та! За экологией не следили. Что только не плавало. Гребешь себе на лодке и изучаешь отходы производства.

Но в гребле я тоже долго не задержался. Там же еще после каждой тренировки нужно лодку и весла тащить на себе в специальный ангар. Протирать, сушить её, мазать какой-то смазкой. И я решил искать видик спорта полегче.

Потом я ходил заниматься боксом, целых два занятия. Гимнастикой — одно занятие. Легкой атлетикой я занимался почти целый год! А тут и школу кончил, поступил в техникум и заболел футболом. В футбол в техникуме мы играли и до занятий, и после занятий, и во время занятий. Тогда вообще вся Страна играла в футбол. А вот насчет того, чтобы пиво попить после футбола — это — нет! Тогда пиво было — страшный дефицит. Баловались портвейшком. У нас водка была не в чести, а вот портвейн «Три семерки» или «Тридцать третий» — уважали!

Во время учебы в «Щуке» было не до спорта. Весь день в училище! А вот, когда я пришел в театр Маяковского, то познакомился с ныне известным артистом — Борисом Химичевым, который ещё в те далекие годы «качался». Он и меня втянул в это дело. Борис говорил: «Для твоих ролей нужно мышцу подкачать, массу набрать. Будешь более убедительно выглядеть». И я взялся за железку! За год накачал 25 кг. Стал таким девяностопятикилограммовым громилой. Правда, тогда «качаться» было дурным тоном. Это теперь мы знаем, что это — хорошо, а тогда было другое время.

Мне кажется, что занятия спортом, помогли мне найти в кино своё амплуа. И пускай мне не говорят, что главное — это духовный мир моего героя, внутренняя линия. Фактура для актера — это главное! Разве она не помогла мне сыграть в фильме «Женя, Женечка и «катюша» Захара Косых? Я нарочно создавал, культивировал внешность такого лесоруба-простака, такого дуролома.

Да и во многих других фильмах мне помогала фактура, которую я построил сам. И по сегодняшний день, невзирая на возраст, я хожу 2–3 раза в неделю в спортзал. И гирьки потаскаю, и по мешочку постучу, и в бассейне поплаваю. Артисту это необходимо как воздух!

А вот болельщик из меня — никакой! Нет, я конечно же обожаю смотреть спортивные передачи. Знаю всех спортсменов. Всю жизнь болеют за «Спартак». Но вот ходить на стадион

«болеть» — это для меня дикость.

Люблю я и хоккей. Но с ним особая история. Гоняя в футбол в команде театра и на съёмочной площадке, я с поврежденным мениском угодил в первый спортивный диспансер. В этот диспансер принимали только известных спортсменов, ну и артистов заодно. Я познакомился там с известным хоккеистом Александром Мальцевым. Он тоже лежал с мениском. Мы с ним очень подружились за два месяца пребывания там — были неразлучны. После того, как мы выздоровели, я ходил на хоккей просто посмотреть на Сашу. А потом он мне предложил: «Давай я тебя научу играть!» За месяц я научился сносно кататься, владеть клюшкой и бросать шайбу. Вообще, хоккей очень увлекательный спорт. Даже фигуристы, и те, после тренировки, для расслабухи, играют в хоккей. Только один минус есть в хоккее — долго одеваться. Пока оденешь форму — уже устал!

А вот с лыжами я не дружу.

Веселое.

Чего я не признаю вообще, так это мотоцикл и велосипед. И на мотоцикле, и на велосипеде я оба раза оказывался в кювете. Один раз — с жидкой грязью, а второй раз — с крапивой.

Грустное.

Спорт уходит из нашей жизни. Он становится профессиональным. Даже ребята во дворе ни во что не играют. Жалко! У меня со спортом связано много прекрасных минут!

Личное

Я рос без отца. Наверное, это — плохо. Правда, я не знаю как с отцом! Может ещё хуже? Но, раз уж природой заведено, что воспитывать ребенка должны отец и мать, значит так и должно быть. А то ведь живешь, как с одним глазом! Вернее смотришь на мир мамиными глазами и делаешься таким маменькиным сыночком. Не в плохом смысле — маменькиным, а в смысле восприятия мира. Ты же видишь его в детстве мамиными глазами, и так — на всю жизнь! Я и сейчас говорю: «Так любила мама, так говорила мама, так учила мама…» Так что, даже потеряв маму, я остался маменькиным сыночком.

Я не знаю, как там жить с отцом? Но то, что по сей день я не могу дружить с мужиками старше себя или даже одногодками, все мои друзья моложе меня — это, наверное, и есть то влияние безотцовщины.

Хоть я рос маменькиным сынком, но вырос с крепким характером, упрямым и настырным. Наверное — в отца! Из-за этой упрямости и настырности мою маму часто вызывали в школу и даже в техникум. А когда меня призывали в армию, то мое приписное свидетельство тоже получила мама, потому что я был на курсовой практике на Урале. Когда через месяц я появился в военкомате, военком мне заявил: «Ну, ты, парень, загремишь у меня за Полярный круг!» Но я не загремел — по состоянию здоровья, вернее — по зрению. Глаза у меня были разные. Как говорят в народе — один — правый, другой — левый. А если по-научному — у меня врожденный астигматизм. Один глаз — «плюс», другой — «минус». Но в жизни мне это никогда не мешало, я даже очков никогда не носил. А для армии это было страшным дефектом. Правда, когда я учился в театральном институте, где была военная кафедра, то был признан годным по всем статьям и даже для офицерского звания. Но военная кафедра просуществовала всего один год, и свой гражданский долг перед нашими вооруженными силами я не отдал.

Даже став уже артистом, работая в театре и снимаясь в кино, я все равно оставался маменькиным сыночком и ни о какой женитьбе не помышлял. Романы, конечно, были и немало. Но чтобы жениться — это ни-ни. В первый раз я женился в довольно солидном возрасте, но неудачно, всего лишь на год. От этого брака у меня есть дочь — Маша. Объясню почему — Маша. Я всегда мечтал о сыне. Думал: «Будет сын, будет — Миша!» У меня в роду все мужчины — Михал Михалычи. А тут — дочка, значит — Маша, все равно — М.М.

Со второй женой «Кузей» — живу давно. Почему «Кузей»? Потому что девичья её фамилия — Кузнецова. А вообще её имя — Лена. Но на Лену она не отзывается. «Кузя» так «Кузя»!

Самое интересное, что мы с самого детства жили рядом, на Москва-реке. Я — на Софийской набережной, а она — на Овчинниковской. Нас разделял только мост. Правда, мой дом сейчас, к сожалению, снесли. А в её доме сейчас шикарный отель «Балчуг».

Живем мы довольно дружно. А может она меня с моим настырным характером просто терпит. У нее ещё старенькие, больные родители. Она мечется между мною и ними. Переживает, но терпит, терпит, терпит! К сожалению, детишек нам Бог не дал. У нас, правда, есть питомец — мордастый, рыжий, нахальный боксер «Гриша» — дважды золотой медалист. Он у нас в доме — хозяин!

Свое свободное время, если я не снимаюсь, а снимаюсь я все реже и реже, мы любим проводить на даче. Правда многие получают дачи по наследству от пап и мам, от бабушек и дедушек. Мы же свой участок получили от Союза кинематографистов. Большой, хороший, недалеко от Москвы и прямо в лесу. Летом там замечательно! Да и зимой неплохо. Время на даче летит совсем незаметно. Пока ходишь, любуешься каждой веточкой, каждым листочком, смотришь — и день прошел!

Ну, а в Москве, какой у нас быт? Ходим в Дом кино и театры только на премьеры. А если я работаю, то прихожу домой только ночевать. Раньше, когда было много съёмок и гастролей, я вообще дома почти не бывал. Сейчас мне кажется, что я засиделся! А моя «Кузя» мне говорит: «Хватит, дорогой, наездился!» А я: «Нет, не наездился». Мне так хочется сорваться в какую-нибудь далекую киноэкспедицию, на какую-нибудь Камчатку или даже Чукотку. Но, к сожалению, и Камчатку и Чукотку снимают сейчас под Москвой. Так что особенно далеко сейчас не сорвешься.

Веселое.

Когда я хотел в этой главе развернуть тему своих прошлых романов, «Кузя» мне сказала: «Ты, дорогой, об этом не только писать, а даже думать забудь!»

Грустное.

Я даже не знаю, о чем грустном можно рассказать, потому что то, что сначала кажется грустным, потом кажется пустяковым, а потом вообще — веселым. Так уж устроена жизнь!

Серьезно о кино

Современное кино далеко ушло от кино моей молодости. Я вспоминаю, что когда мальчишкой снимался на Мосфильме, в массовке, то они были иногда по нескольку тысяч. И на всех хватало шляп, костюмов, обуви. Я помню, на Мосфильме, для фильма «Борец и клоун» был построен настоящий цирк. И, к тому же, весь этот цирк был забит массовкой, да еще в костюмах начала века! Потом, когда я смотрел этот фильм, то искал себя в седьмом ряду от прохода, справа под оркестром. Сейчас, конечно, никто цирков не строит. Сейчас его арендуют для съёмок на день или два, а то может и на ночь. А раньше строили.

А если говорить о технике, так это вообще — небо и земля! Раньше один свет чего стоил. В павильоне жара доходила до сорока градусов, когда огромные, метровые в диаметре прожекторы ДИГИ делали из павильона Африку. А сейчас приборчики с кулачок, а светят также как те ДИГИ на углях, но кино от этого, мне кажется, лучше не стало.

Раньше фильм снимался год, а теперь — месяц. Раньше только репетировали часа два-три, а теперь за это время — ой, сколько можно снять!

Нет, это не ностальгия по прошлому кино! Современное кино тоже очень хорошее. У него масса достоинств; и пленка чувствительная, может снимать в темноте; а чего один долби-звук стоит! Я недавно озвучивал фильм Алексея Германа «Хрусталев, машину!», так у него этим долби-звуком так были воспроизведены шаги по снегу, что аж мурашки по коже!

И вообще, сейчас техника в кино выходит на первое место. Вот я — грешен, люблю посмотреть американские фильмы. Да как их не смотреть? По телевизору их крутят по нескольку раз в день! Но ведь смотрю я не из-за сюжета. Сюжет у большинства фильмов нулевой. Есть, конечно, блестящие работы и блистательные актеры, но общая масса — это красивая «липа». И все это понимают, даже простой зритель.

Но за что я люблю американские фильмы? Это — за высочайший профессионализм, за блистательные операторские работы, за фантастически поставленные трюки, за убедительность актеров даже в самом маленьком эпизоде. Но смотреть второй раз я их не буду. А ведь наши российские фильмы можно смотреть много-много раз.

Вот фильмы Рязанова — более тридцати лет идут на экранах! А всякие острые словечки из фильмов Гайдая? Их знает вся страна. И фильмы его каждую неделю показывают по телевизору,

а они никому не надоедают! А взять фильмы Станислава Ростоцкого. Какое знание российской жизни! Я снимался в его фильме «Из жизни Федора Кузькина», о жизни российской деревни. А взять фильмы Владимира Меньшова — это такой полет фантазии! Такие режиссерские находки, такая игра актеров — зрителя от экрана не оттянешь! А Владимир Мотыль? Ведь никогда же не снимал чистых комедий, а его фильмы за правдивость и искренность сюжета любят все зрители.

Так вот, я думаю: «Нужны ли нашим режиссерам эти передовые американские технологии? Нужны ли головокружительные трюки и компьютерная графика?» Наверное нужны в какой-то степени. Но, создавали и создают они свои шедевры без американских технологий по только им понятным кинематографическим законам, на пределе человеческих возможностей — кровью, душой и сердцем!

Я счастлив, что работал со многими выдающимися режиссерами нашего кино. Я счастлив, что фильмы с моим участием — частые гости телевизионных экранов. Я счастлив, что мой комедийный актерский цех оказался самым стойким в нашей сложной кинематографической жизни. Я счастлив, что мои коллеги по комедийному жанру, почти без потерь перешли в новое российское кино и с успехом работают в нем.

Счастья им и удачи!

Рассказы

Автограф

Автограф взять, дело не хитрое, надо только знать как, когда и у кого брать.

Если, к примеру, у Льва Яшина брать или, скажем, у Нонны Мордюковой, то это очень большого труда не составляет, главное терпение. Подловил Яшина у стадиона, когда он после очередного матча домой уходит и, пожалуйста, автограф в кармане. Да и чего тут удивительного, люди свои, советские, что им жалко что ли? Я то лично, автографы собираю года три и за это время, штук сто набрал. Например, Германа Титова автограф есть, Майи Плисецкой, Александра Якушева — это когда он еще московский «Спартак» в шайбу тренировал. Хваткина… Что, не слышали такой фамилии? Как же, это участковый наш, про него даже «Комсомолка» писала, как он лично мальчика и девочку из реки спас — тонули. В общем много разных. Но с иностранными автографами у меня дело совсем плохо поставлено. Да и не мудрено. Если бы, скажем, Олимпийские игры у нас в Москве развернули — другое дело, тут на автографы и бумаги не хватит или первенство мира по футболу, тоже ничего мероприятие по части автографов. А так, откуда им быть?

Вообще-то, конечно, международных событий в Москве много разных происходит, но все они как-то мимо меня идут.

И тут, вдруг, подвернись мне международная промышленная выставка. Вот тут-то думаю, наверное, всяких деятелей пруд-пруди. Иду. Билет 20 рублей, флаги, стенды, указатели. Ориентируюсь, смотрю, павильон Голландии. Вхожу. Народу много, станки всякие шумят, продукцию вырабатывают. Один станок туалетную бумагу режет и в пачки складывает; другой кружки картонные под пивные кружки штампует. Красота! Я туда ткнулся, сюда — все наши. Вдруг, смотрю, мужчина со значком, написано — переводчик. Я к нему:

— Где тут у кого-нибудь из ваших видных деятелей, мне бы автограф взять — собираю.

Он осмотрелся и на одного показывает:

— Вон, — говорит, — директор бумажной фирмы господин такой-то, фамилию я забыл. Владеет 50 % акций фирмы, а начинал простым разнорабочим.

Я к тому. А мне, между прочим, с иностранцами редко говорить приходилось, честно говоря ни разу не говорил. Подхожу, улыбаюсь.

— Здравствуйте, — говорю — мне бы автограф, — и авторучку с блокнотом ему сую.

Он тоже мне улыбнулся и закорючку в блокнот поставил. Обыкновенная такая закорючка, ничего особенного. Я к другому, толстый такой, лысый. Тоже наверное директор или зам. Он мне тоже закорючку, только хвостик в другую сторону. Набрал я этих закорючек штук десять. А толку что? Одну от другой не отличишь. Автографы? Никто и не поверит, скажут сам изобразил. А как докажешь, что иностранные? Да никак!

Обиделся и вышел из павильона. Иду по аллеям, смотрю, навстречу мне дяденька идет, такой симпатичный, лицо вроде знакомое.

Я вдруг взял, подошел к нему и говорю:

— Дайте автограф.

— Пожалуйста.

И так аккуратно в блокноте вывел — Кирпичев. А потом спрашивает:

— Узнали?

Я так и опешил. Думаю, мать частная, на кого же это я налетел.

— Нет, — говорю, — не узнал.

— А я вас сразу узнал! — обрадовался он. Мы с вами вчера за пивом стояли у метро «Электрозаводская». Помните?

Я, честно говоря, не вспомнил и, на всякий случай, спрашиваю:

— А вы, случайно, не знаменитость?

— Нет. Простой человек, — отвечает.

«Э, — подумал я, — значит обмишурился, не у того автограф взял. А потом думаю: — Ладно. Пусть у меня в коллекции и фамилия простого человека будет!»

Открыли

Сидим мы как-то вечером в моим приятелем Гришкой дома и скучаем. Вдруг я Гришке и говорю:

— Слушай! Давай сделаем что-нибудь такое невероятное, ну, какое-нибудь научное открытие или еще что-нибудь похлеще. Уж больно жизнь однообразно идет!

— Сделать можно, — отвечает. — Главное чтобы потом в милицию не угодить.

Сели и стали думать.

— Может, — говорю, — каких элементов новых наоткрывать, всяких там редкоземельных, короче говоря — дефицитных. Я в кружке занимался.

— Что ты, — испугался Гришка, — химия, знаешь, какая вредная наука, она незаметно может весь организм подточить. Ведь за нее же молоко дают. А нам кто даст?

— Верно!

Сидим думаем дальше.

Гришка предполагает:

— Может с раком поборемся?

— Ну, да, — говорю, — поборись с ним! Вон у меня один знакомый попробовал, так он его так тяпнул, что он и сейчас лежит, не шевелится. Опасно!

Да, это не для нас, — решили мы.

Сидим.

— Может, — говорю, — пешком врежем до Душанбе и обратно? Помнишь в школе до Малаховки ходили?

— Да ну, ботинки бить, дело дорогое, — отпарировал Гришка.

— И то верно.

Думаем.

— Во, придумал. — Обрадовался Гришка. — Я опыт поставлю на тебе, насчет сопротивляемости организма. Я про него где-то читал.

— Чего это на мне? — обиделся я. — Давай лучше на тебе.

— Нет, — отвечает. — У меня и так здоровья нет.

— А у меня что лишнее?

Сидим.

— Во! Давай тогда, — предложил я, — архитектурно-скульптурный памятник создадим, вроде как монумент. А? Ты ведь в детстве из пластилина чего-то лепил, да и я пробовал.

— А тему где возьмем? — спросил Гришка.

— Придумаем, — разгорячился я.

— Голову-то еще ломать, — урезонил меня Гришка.

— Лучше уж, — предложил он, — что-нибудь такое… ну, в общем во весь размах интеллекта, во всю ширь таланта, а может еще шире…

— Это можно, только чего? — обрадовался я.

— Ну, а если?

— Не, тяжело!

— А?..

— Что ты, где нам!

— А?..

— Не выйдет.

— Слушай, — сказал вдруг, Гришка. — Давай возьмем, откроем бутылку «Столичной»!

Открыли.

Новая схема

Наша футбольная команда всегда болталась в конце турнирной таблицы.

И нападающие у нас вроде ничего, иногда забивают, и вратарь хороший — иногда берет, да и тренером, бог не обидел. Наш тренер Петр Васильевич Пупырев очень даже опытный, почти все команды в районе тренировал, сейчас кажется, уже по второму заходу пошел. В общем все ничего, а вот со спортивным счастьем мы не в ладах.

Дает нам, допустим, Петр Васильевич установку на игру — играем как англичане, все в нападении, все в защите. Играем. Два забиваем, три пропускаем. Нападением увлеклись, не успеваем в защиту оттягиваться.

Оттягиваемся на другой игре все в защиту, один пропускаем, забивать некому.

В общем, не везло.

Но вот однажды, собрались мы на тренировке и, видим, Петр Васильевич наш, прямо светится, сияет, можно сказать, будто мы уже чемпионы района или области, приз отхватили.

Когда все собрались, Петр Васильевич сказал:

— Ребята! Придумал я такую новинку, такую новую тактическую схему, которая не Феоле, ни даже Рамсею и не снилась. Сразу шум поднялся, взволновались ребята.

— Тихо! — сказал Петр Васильевич.

— Сегодня у нас первая тренировка по новой системе, перекидка так сказать. Разминайтесь пока, через полчаса начнем. Разминаемся мы, и видим, что Петр Васильевич, что-то у забора колдует, подпрыгивает, в щели заглядывает, в общем странно себя ведет.

Через полчаса Петр Васильевич свистит:

— Становись!

Выстроил нас перед забором, секундомер в руке зажал и скомандовал:

— Через забор туда — обратно, марш! Время засекаю. Мы переглянулись, и через забор. Вылезаем из-за забора, собираемся постепенно вокруг Петра Васильевича и ждем объяснений.

А Петр Васильевич улыбается и говорит:

— Сейчас я наглядно убедился в правильности своих расчетов. Теперь мы с вами, золотые мои, будем играть по новой системе, а именно — 11 + 1.

Мы так рты и поразевали.

— Это как? — спросил Петька Кваскоv.

Петр Васильевич на него даже внимания не обратил и продолжал:

— Вот, ребята, какие дела. Шесть стадионов из восьми, на которых нам с вами предстоит играть на выезде, такие же как наш. И Петр Васильевич показал в сторону забора нашего стадиона, с южной стороны, начинающегося прямо за беговой дорожкой.

— Вот в этом заборе и вся соль.

— Это как? — опять спросил Петька.

— А вот так, что после начала игры, через пару, тройку минут, допустим, ты, — он указал на Витьку, — выбиваешь мяч за забор, как будто в аут.

— Ну, — сказали мы.

— Ну, и тут человек пять бросается за забор, вроде, как бы за мячом.

— Ну? — опять сказали мы.

— Ну, и из-за забора они возвращаются вшестером.

Все молчали.

— Один будет ждать момента за забором, с начала матча, — пояснил Петр Васильевич.

Мы молчали.

— Чтобы вас не сосчитали, будете все время перемещаться по полю, и это самое главное, ни в коем случае не останавливаться, сосчитают. Ясно?

— А номера? — спросил кто-то, тоскливо.

— Номера ерунда. Номера будут в разбивку — 5, 9, 12, 15, 17, скажем, других нет, да к этому и не придерутся.

Мы продолжали молчать.

— А за 2–3 минуты до конца тайма, лупите мяч опять за забор и полный порядок, опять одиннадцать. Ведь это, ребята, находка, Эврика, как говорят.

Один человек, ребята, очень много в футболе значит, и никакого тут греха нет, это просто тактика. Ведь наверное все другие команды тоже свои фокусы имеют, только никто не знает. Разве так выиграешь! И я вам говорю, призерами будете, поверьте мне, не первую, и дай бог, не последнюю команду тренирую.

Мы все еще молчали.

— А сейчас, — оживился Петр Васильевич, — давайте в двухсторонний попробуем.

Попробовали, ничего, красиво получается, даже как-то интересно.

После тренировки Петр Васильевич сказал:

— Завтра играем с обувной фабрикой. Применяем новую схему.

И Петр Васильевич назначил пять человек «заборников», как он их назвал, и Петьку Кваскова за забором — двенадцатым.

— Все ясно? — спросил он.

— Ясно! — дружно ответили мы.

— До завтра, — сказал Петр Васильевич и велел всем язык за зубами держать.

Перед игрой мы немного мандражировали, боялись по правде сказать.

Началось. Все вышло гладко, никто Петьку и не заметил, а он через 5 минут гол забил в девятку. Мы рады, ликуем, но тактики не забываем, все время бегаем, все время перемещаемся, даже когда мяч из игры выходит, не стоим, в общем играем, по новой схеме выкладываемся. Откуда и силы берутся, не знаем. В конце первого тайма тоже чисто все исполнили. Ушли на перерыв.

Петр Васильевич сияет.

— Ну, что я говорил, все идет как по маслу. Молодцы!

Во втором тайме еще пару штук закатили. Короче говоря выиграли 3:1.

Петр Васильевич после игры всех целовал и говорил, что при таких успехах, можно скоро будет играть 11 + 2, 11 + 3, 11 + 4 и т. д.

Еще выигрываем четыре игры по новой схеме и лезем вверх по турнирной таблице, прямо в лидеры.

Газета района нас хвалит, хвалит Петра Васильевича, Петр Васильевич хвалит нас, мы хвалим его, в общем все довольны. Сделали пару осечек, да и то не по нашей вине. Стадионы новые, всяких там трибун со всех 4 сторон построили, не разыграешься, но ничего, не унываем, таких стадионов еще немного.

Тут и игра со швейниками подошла — ответственная. За призовое место бороться будем. Петр Васильевич перед игрой ходит, руки потирает.

— Задавите их, задавите, главное темп, темп, темп!

Играем. Первый тайм по нулям. Крепкий орешек эти швейники, не лыком шиты.

Во втором тайме дело лучше пошло, прижали швейников к воротам. Их вратарь чудеса показывает, в толкучке, у ворот народу-то много, закатили один все же. Время к концу подходит, лупим через забор. Пятеро наших вместе с Петькой несутся к забору, лезут и, вдруг, Петька попадает трусами в щель между досками и, намертво повисает на заборе. Мы так и застыли сидя верхом на заборе, глядя на болтающегося Петьку. И в этот момент кто-то как заорет:

— Да их двенадцать!

Тут такое началось. Зрители на поле повыскакивали, судья

свистком прямо захлебнулся, а тренер швейников Петра Васильевича за грудки взял и трясет.

В общем полное фиаско потерпели, и самое обидное, что за две минуты до конца.

Короче говоря, сняли Петра Васильевича. Мы по-прежнему, плетемся в конце турнирной таблицы и играем по старой схеме.

Почем!

Жора Завидов мечтал попасть за границу. Ну хоть куда, хоть в самую что ни на есть захудалую, но только чтоб туда, в ее. Ведь там у всех все, там у них шейк, там у них секс, и этот, как его, стриптиз непосредственно демонстрируют.

А жвачки — хоть обжуйся, и самое главное, джинсы продают настоящие американские с маркой на заду. Во! Ну хоть куда бы прорваться, чтобы своим глазком глянуть. Кругом все ездят, все видят, все покупают.

— А я что, рыжий? — решил Жора и стал готовиться.

Во-первых, выучил на всех языках слово — почем? Потом бросился в местком.

— Дайте путевку, — закричал он, — хочу приобщиться. Все вон по Канадам и Кольдельерам разъезжают, а я недавно только в Бобруйск впервые в жизни попал. Хочу сравнить за и против. Хочу всю заграницу эту, руками пощупать, ногами потоптать.

— А чего! — говорят. — Выделим.

— Куда хочешь? — спрашивают.

— А мне все равно, только бы заграница.

— В Никарагуа, хочешь?

— Далеко?

— Порядочно.

— Дальше Бобруйска?

— Километров на сто.

— Годится.

— Бери!

— Давай!

— Езжай!

— Спасибо!

— Попутный ветер!

Самолет шел на посадку. Жора, расплющив лицо о стекло иллюминатора, смотрел на приближающуюся заграницу. На бетонной дорожке аэродрома Жора увидел коробку от заграничных сигарет.

— Началось!

И Жора помчался по заграннице. Ой! Все в джинсах с марками? Во живут. Ой! И все жуют!

Ну, жизнь!

Ой! Тетенька, прямо-таки в чем мать родила, улыбалась ему с афиши.

Сто девушек, — с трудом перевел Жора.

Во живут!!! Чего себе позволяют!

Витрины зазывно орали. Жора прибавил шагу.

— Ой, ой! Надо же! Мать честная! — Две недели промчались, как занятое такси.

Другим, другим человеком садился в отлетающий на родину самолет, прижимая к себе чемоданную заграницу. У него теперь четыре жвачки, три авторучки, две водолазки, а, главное, джинсы настоящие, американские, с маркой на заду.

Он все видел, все своими руками пощупал, и знает что почем!

Мяч

Вот смотрю я всякие соревнования, и вижу, что наблюдается некоторый застой в спорте. И знаете что виной? Мяч! Ведь мяч-то — это основа основ спорта. Краеугольный, так сказать, камень футбола, волейбола и прочих азартных игр. И что такое мяч? Мяч — это пузырь, шарик, со всех сторон одинаковый. И ничего в этом хорошего нет. Ничего! Вот кто придумал мяч? Не знаете? А я знаю. Мяч придумал какой-то исключительный лентяй. Да! Ведь мяч он какой? Его ткни тихонечко и он покатится. Покатился, покатился, покатился… Ну, прямо перпетум-мобиле! Разве это для спорта годится. Не годится.

Вот взять футбол. Ведь в футболе этот мяч посильнее ударь, он и полетел, и запрыгал. Попрыгал с головы на ногу, с ноги на голову и в ворота. Или еще куда. Где тут борьба, где неожиданности?

А будь, допустим, мяч квадратный. Тут его так просто не покатаешь, тут он сам не попрыгает, да и головой его особенно не ударишь, рискованно. Ну, а вратарю круглый мяч, вообще, одно удовольствие ловить. Пусть квадратный поймает.

Баскетбол. Так там же это кольцо под этот мяч специально и сделано. Бросил, и он там, ему и деваться некуда. Спорт!

А вот если мяч в баскетболе сделать колбасой. А? Тогда этой колбасой так просто не распорядишься, раз и в кольцо, раз и два очка. Нет, тогда за каждое очко надо будет попотеть. Вот!

А волейбол? Сейчас там круглым мячом что хотят творят — блоки, гасы, пасы, передачи, подачи. А сделай мяч в волейболе треугольный или в виде обувной коробки, совсем другое дело будет. Тут, как кто гасить соберется — все с площадки сразу разбегутся, а вдруг, ребром попадет. В общем намного интереснее будет. Короче говоря, для дальнейшего развития спорта надо форму мяча менять, и как можно скорее.

Хватит, поиграли кругленьким!

Рекорд

Решил один штангист побить рекорд.

Целый год к рекорду готовился пока соревнования не подошли. Подошли соревнования, вышел он на помост, взвалил рекордный вес на грудь и толкнул его без сучка, без задоринки.

Весь зал так и ахнул, заревел весь зал от восторга.

А он поднял штангу и не опускает.

Ему кричат: «Вес взят, опусти…»

А он держит.

Ему кричат: «Ты что, опускай, засчитали». — А он держит.

Товарищи к нему подошли.

— Вась, опускай, ведь ты рекорд побил.

А он отвечает:

— Побить-то побил, да еще удержать хочу.

И стоит. Час стоит, два стоит, уже соревнования кончились. Народ домой разошелся, а он все стоит и стоит.

День стоит, два стоит. Жена ему обедать носит, с ложки его кормит, а он все стоит — рекорд держит.

А тем временем в другом зале, его рекорд побили, а он все стоял и держал бывший рекорд. И было ему невдомек, что стоя на месте рекорд удержать нельзя.

О пении

Сколько лет я работаю на эстраде, и не перестаю восхищаться певцами-солистами. Отважные люди! Герои! Титаны! Ведь, правда, подумайте сами, какое это ответственное дело выходить один на один с залом и петь, иногда целый вечер. А! Смелость какая нужна, я уж не говорю о таланте! Ведь слова можно забыть, а кто подскажет — никто не подскажет, тут пой и пой. А сколько всяких мелодий помнить надо — ужас!

Уж если петь, то лучше в хоре. Дело спокойнее! Стоишь в массе, слова забудешь, не страшно — другие помнят, мелодию напутал — не беда. А если и то и другое забыл можно просто так рот раскрывать для видимости. Благодать! Я вот к чему пустился в рассуждения-то. Я ведь раньше тоже в певцы собирался, — выступал даже один раз, когда на флоте служил, был, значит, у нас концерт самодеятельности. Я лично песню приготовил с баянистом. Голос у меня хоть небольшой, но тембр зато приятный. Волновался страшно! Выхожу. Первый куплет пропел, припев пою и с ужасом чувствую, что второй куплет забыл, пою опять первый, думаю, может вспомню. Нет, ну совсем память отшибло. Так три раза первый куплет с припевом спел — в зале смех уже, а я чуть не бегом со сцены. Позор! Забегаю за кулисы, а мне старшина наш Щербак говорит, что же ты, товарищ, Иванов, слова-то не смог выучить. Я оправдываюсь.

— Выучил, — говорю, — товарищ старшина, только вот по ходу забыл.

В общем на следующем концерте мне уже петь не дали.

— Хватит, — говорят, будешь номера объявлять. Вот с того времени конферансье и работаю.

Амплитуда

Сижу я как-то после работы у себя в институте и занимаюсь. Собирался я на будущий год в вуз поступать, сколько можно в чертежниках сидеть, и вот значит, задачи по физике решаю.

Вдруг заходит наш вахтер дядя Вася.

— Что это ты часов всяких нарисовал, аль на часовщика готовишься? — спрашивает.

— Да нет, дядя Вася, это я тут амплитуду вычисляю.

— Какую такую амплитуду?

— Ну, размах маятника. Задача такая, по физике.

— Понятно. Короче говоря, у кого какой размах что ли хочешь узнать?

— Не у кого какой, а у маятника, закон на это имеется, от веса маятника зависит, — отвечаю.

— Понял, понял! — говорит. — Только я тебе без всяких маятников про эту амплитуду объяснить могу.

— Это как же? — удивился я.

— А вот так, на людях.

Я в этом институте уже который год работаю и у каждого человека эту самую амплитуду изучил.

Я только засмеялся.

А дядя Вася продолжал:

— Вот сижу я за своим столиком и все вижу. Вот, к примеру, курьер наш, тетя Паша, за день разов 10–15 в мыле пробегает, и каждый раз из очередного маршрута летит, то с Речного вокзала, то с Сокольников. Потом снабженец, тоже прилично мотается, много у него дел. Правда, до него тоже деловой был, но тот так раскачался, что со всего размаху где-то на пять лет застрял, сорвался, короче говоря, с амплитуды. Ну, конечно, и рядовые сотрудники, они тоже много бегают, и в командировки их гоняют, и в другие отрасли.

Это все — большая амплитуда, — пояснил дядя Вася, и продолжает. — А вот начальники отделов уже среднюю амплитуду имеют, эти поспокойнее, больше на месте сидят, некуда им особенно бежать, они свое отбегали.

Теперь начальник наш, Петр Гаврилович. Он и вовсе малую амплитуду имеет, разве только по коридору направо, вторая дверь налево и все, а так больше все к себе вызывает.

Вот тебе и амплитуды. Они, парень, от занимаемой должности зависят.

Я хотел возразить дяде Васе, а он продолжал:

— Другое дело, когда отпуск подходит, тут с этими

амплитудами все наоборот получается. Начальник наш — Петр Гаврилович, значит, аж до самых Карловых Варов раскачался — вот это тебе амплитудка. Начальники отделов тоже ничего амплитуду сделали — до Черного или Балтийского моря качнулись. Ну, а рядовые сотрудники все по Подмосковью раскачались, природа здесь, говорят, лучше и спокойнее.

А курьер, тетя Паша, дальше 43 километра так и не раскачалась, сродственники у нее там в деревне. Вот, парень, тебе опять амплитуда, но уже летняя, так сказать, и тоже свой закон имеет. Понял?

И дядя Вася ушел, шаркая валенками, а я остался и задумался об этой самой амплитуде.

Интервью

Хоть интервью — слово иностранное, но значение его всем, конечно, понятно. Да и не удивительно, каждый день и в газете, и по радио, интервью с тем-то, интервью с этим-то, короче говоря, простое слово, можно сказать, обиходное.

А вот несколько лет тому назад из-за этого самого слова со мной история вышла, всю жизнь помнить буду.

После окончания животноводческого техникума, хотели меня на работу в колхоз направить, да дядя за меня заступился, в районе оставил. Не только оставил, а еще в районную газету устроил, корреспондентом. Работаю. Присматриваюсь. Вроде ничего. Проходит два дня, и вдруг, вызывает меня зам. главного редактора Вадим Савич.

— Вот что, Жора! — говорит. Меня все тогда Жорой звали, да я и не обижался, молодой еще, чтобы Георгием Семеновичем звать. Ну, это я так, к слову пришлось.

Значит, вызвал он меня и говорит:

— Засиделся ты, Жора, в отделе, пора тебе в люди идти.

Я сразу насторожился.

— Поедешь, — говорит, — в колхоз «Луч» и возьмешь интервью у бригадира полеводческой бригады товарища Охрименко. Понял?

— Понял, — говорю. А сам думаю, мать честная, что же это такое, это самое интервью. Кажется, слово знакомое, где-то слышал. Но, на всякий случай спрашиваю, так тихо-тихо:

— Сколько?

А Вадим Савич так нехорошо-нехорошо на меня посмотрел и говорит:

— Чего сколько?

Я сразу понял, что не то спросил, но вывернулся и говорю:

— Дней на командировку?

— Двух хватит!

Ну, я пошел на выход. Вышел и думаю. У кого же спросить то, здесь в редакции, конечно, неудобно, засмеют. Ладно, решил, приеду на место, разберусь, главное надо по-умному, главное, не показать виду, что не знаешь. Выписал командировку и поехал. Приезжаю. Иду по дороге к колхозу, километра полтора от шоссе топать, и план действия себе составляю. Думаю, найду сейчас Охрименко, сяду, закурить предложу, а потом так доверительно и скажу, я к Вам от Вадима Савича, интервью просил дать.

Лезу в карман, смотрю, а у меня всего одна папироса осталась. Не беда, думаю, в сельпо куплю.

Иду уже по улице. Смотрю мальчишка в окне сидит, будильник доламывает. Я к нему.

— Бог в помощь!

А он:

— Пошел в солому!

— Грубоватенько! — говорю.

А он:

— Чего пристал, видишь человеку и так трудно, полчаса пружину не могу достать.

Ну, я ему посочувствовал и спрашиваю:

— Где сельпо?

А он мне сразу на ты.

— У нас сельпо с двенадцати до пяти на обеде — раз, водки там все равно нет — два!

А я ему:

— Мне водка вовсе не нужна, мне бы покурить купить.

— А! — говорит. — Есть там сигареты — «Горный воздух».

Я удивился.

— Что это, — говорю, — за «Горный воздух»?

— Ну, это «Памир» так называют.

— Понял, — говорю, — ясно! А еще, если ты такой сведущий, ты мне скажи, где мне товарища Охрименко найти?

— А! Дядю Митю? А его нет.

— Как, — говорю, — нет?

— А он сейчас по району поехал, опытом делиться, нет его!

Я сразу загрустил, вот, думаю, первое поручение, и на тебе, не везет.

— А когда приедет? — спрашиваю.

— А кто его знает, а ты у его жены спроси, дома она.

Точно, — думаю. — Выход. Может она об этом деле чего-либо знает, даже лучше выйдет. Нахожу дом. Стучусь. Открывает женщина, пожилая, приветливая. Объясняю ей.

— Нет, — говорит, — Гриши.

— Знаю. Может вы поможете.

Захожу. Дом новый, чистый, радиоприемник. Культурно. Я помялся, помялся и говорю.

— Я по поручению из района, представитель прессы. Меня к вашему мужу, Вадим Савич, лично, направил, просил интервью дать.

Помолчал немного и добавил:

— Сколько можно?

Она так удивленно на меня смотрит. Я повторил, погромче уже, и жест такой неопределенный руками сделал. Тут она улыбнулась и говорит:

— Самогону?

Я так и подскочил. — Ничего себе, думаю, Вадим Савич, заданьице мне дал, вот что значит интервью-то. И тут сразу вспомнил, что у Вадим Савича дочка замуж выходит, свадьба в субботу. Ну, ясно, думаю, теперь, все ясно. Слава Богу, разобрался.

— Да, — говорю, — его. У Вадим Савича с вашим мужем договор был, сами понимаете, дочь замуж отдает.

А она мне.

— Понимаете, мы сами-то не гоним, ну раз такое дело, раз Гриша обещал, найду. Есть тут одно место, подождите.

И ушла. Остался один, сижу, думаю. Приходит.

— Пойдемте, — говорит, — пять литров только, больше нет. Свекольный.

Упаковали мне эти две четверти аккуратно, полный порядок.

— Поаккуратнее, — говорит.

Приехал домой поздно уже. На другой день являюсь на работу, сразу к Вадим Савичу. Вхожу, у него еще двое наших.

— Явился, — говорит, — быстро, молодец!

Я улыбаюсь понимающе. А он руку протянул и говорит:

— Давай!

Я даже сразу не понял.

Как же это, думаю, значит, эти две четверти я должен был сюда переть что ли?

Ведь преследуется законом, а тут народ посторонний. А он опять.

— Ну давай, давай!

Я тогда к нему наклоняюсь, все-таки люди, хоть и свои, а неудобно, и почти на ухо ему говорю.

— Дома он у меня, пять литров, свекольный, в чулане стоит.

Ну, что дальше было, сами понимать должны!

Помню, что уже в конце коридора я был, а все слышал бас Вадим Савича.

— Чтоб глаза мои тебя не видели, на весь район опозорил.

Я после той истории два года словарь иностранных слов в кармане носил. На всякий случай. А сейчас, вот уже шестой год, как зоотехником в том колхозе работаю, и никто меня, кроме как «Интервью», даже и не зовет. Вот приклеилась кличка-то. А я уже привык, отзываюсь.

Еще раз про эмоции

Шел второй период матча, наши выигрывали. Вскочив и зычно крикнув:

— Шайбу! Шайбу! — я залился пронзительным свистом. Иссякнув, я хотел было поделиться своей радостью с соседом по трибуне, но воздержался, заметив, что он в этот момент, быстро достал что-то из белой коробочки и проглотил, продолжая спокойно сидеть на своем месте.

— Какую силу воли надо иметь, — подумал я, — чтоб вот так, интеллигентно болеть.

А потом решил:

— Может просто нездоровится человеку, вон как лекарства глотает.

Матч продолжался, страсти захлестывали трибуны. И только мой сосед, по-прежнему, сохранял спокойствие. В перерыве мы разговорились. Улучив момент, я участливо спросил его:

— От какой болезни лекарство глотаете? Он улыбнулся и, немного помедлив, ответил:

— От этих, как их, от эмоций!

— От чего, чего? — переспросил я.

— От эмоций, — невозмутимо повторил он, — и несколько смутившись добавил, — от нездоровых.

— Разве есть такое лекарство? — засомневался я.

— Новинка! Только изобрели, — сказал он, щелкнув пальцем по белой коробочке.

— И помогает?

— Еще как! Раньше я почти ни одного матча до конца не видал — выводили. Счет только в милиции узнавал. А теперь вот, теперь знаю, как финальный свисток звучит. Да, и притом, никаких тебе пятнадцати суток, никаких штрафов, никаких писем по месту службы. Благодать!

— Но все-таки эмоции пропадают? — поинтересовался я.

— Почему пропадают, нет! Они теперь только наружу не выходят, не пускает их этот препарат. Он опять щелкнул по белой коробочке и добавил:

— Вернее, выходят, только так сказать в другой упаковке.

— Интересно, — сказал я, усмехнувшись, — здорово придумали.

— Что и говорить! — подтвердил сосед.

Стоп… Ничего этого не было. Все было наоборот. И когда моего разбушевавшегося соседа за 10 минут до конца матча вывели с трибуны, я, потирая отдавленную ногу, и отряхивая

облитые розовым портвейном брюки, подумал:

— Да! Хорошо бы изобрести такое лекарство или еще что-нибудь такое придумать, чтобы это здоровое увлечение не вызывало таких нездоровых эмоций.

Матриархат

Вот сегодня 8 марта — Международный женский день, прекрасный праздник, ничего не скажешь.

И я сегодня тоже, конечно, жену поздравил, преподнес подарок, всякие слова там, какие нужно сказал, в общем все, как полагается.

Позавтракали. Я собираться стал. Жена мне говорит:

— Ты куда?

— Как куда. С собачкой погулять, с Бобиком.

А она мне:

— С Бобиком может и Вовка погулять.

Вовке, моему сыну, 8 лет, и он, конечно, очень самостоятельный парень.

Я тогда говорю:

— Ладно. К Гришке пойду, у меня с ним дела.

А жена мне:

— А мне кажется, сегодня у тебя и другие дела найдутся.

Я очень удивился и возразил:

— Какие же это дела? Ведь сегодня выходной. А сам чувствую, что уже попался, уже влип.

— Этот выходной к тебе никакого отношения не имеет. Это наш выходной, а вы только к нашему выходному дню просто примазались. Так что бери сумку, вот тебе список что надо купить, и марш в магазин.

И она ушла на кухню, этакой независимой походкой.

— Да нет, что трудно в магазин сходить что ли, не трудно, особенно 8 марта, да я даже с удовольствием.

Выхожу на улицу. Мать честная! А на улице одни мужчины, и все тоже с сумками, сетками, бидонами. Я сразу даже повеселел. Значит, думаю, не я один жертва.

Захожу на всякий случай к Гришке. Открывает жена. Я ее с праздником поздравил и спрашиваю, а Гриша где?

— А Гриша с 8 утра по магазинам ходит.

Да, подумал я, я то еще с 10, а Гришку уже с 8 впрягли. Дела. Иду в молочную. Народу, и опять одни мужчины. Толкучка. Правда, шума нет, да и, конечно, мы же тихие. Но зато все норовят без очереди прорваться, так что уже из тех, кто без очереди, тоже очередь образовалась. Вышел я из молочной, а у меня список еще на полтора листа. Только к двенадцати и управился. Прихожу домой, отчитался, и на диван — устал.

А жена мне:

— Ты что?

— Устал, — говорю. — Руки, ноги отваливаются.

— Ничего, завтра отдохнешь. А сейчас давай полы натирай, вечером гости придут.

Натирал до 3-х. Пообедали. Я опять было к дивану с газеткой направился.

А жена мне:

— Пойди погуляй с Вовкой.

— Да он сам всегда гуляет.

— А я хочу, чтобы ты с ним сегодня погулял, походил бы по городу, надо развивать ребенка. И притом вы мне здесь будете мешать, я буду убирать квартиру.

Беру я Вовку и иду его развивать. Гуляем два часа. Являемся. Дома все блестит, сверкает, порядок, ничего не найдешь, где что теперь лежит.

Жена командует:

— Иди быстро на кухню, открывай банки, бутылки, режь колбасу, сыр, — в общем работай, скоро гости придут.

А я буду одеваться и причесываться.

Иду на кухню и битый час работаю, как вол. Два пальца порезал, клеенку изрезал на лапшу, в общем титаническую работу совершил.

Появляется жена — красивая, ужас, платье на ней фантастическое, прическа, в общем — кинозвезда. А я, честно говоря, не очень люблю, когда она особенно красивая, ни к чему это, еще понравится кому — драма получится. Я — жутко ревнивый.

— Иди, — говорит, — приведи себя в божеский вид.

Иду, моюсь, одеваюсь, тоже, чтобы лицом в грязь не ударить.

Начали гости собираться. Гришка с женой пришел, сослуживцы наши, еще разные знакомые, в общем народу хватает. И у всех я вам скажу, мужчин, вид не очень веселый, усталый вид. Видно, вроде меня им за день досталось.

Сели за стол. Тосты начались. Сначала за всех женщин вместе, потом за каждую в отдельности и пр., и пр., а про нас и ни слова, будто нас и нет. Потом они еще петь стали и говорят:

— Не мешайте своими грубыми голосами.

Ну, мы обиделись и вышли на кухню покурить. Курим. И каждый свои злоключения за этот день рассказывает. И у всех нашлось чем поделиться.

А я сказал:

— Говорят, что когда-то, в каменном веке что ли, был матриархат, но его потом, слава Богу, отменили, и, конечно, правильно сделали.

Все со мной согласились.

Лотерейный билет

Захожу я как-то к своему приятелю Гришке и вижу — народу у него, знакомых всяких — полно. Ну, конечно, выпивают, закусывают — все как полагается.

Я значит спрашиваю: «Что это, вы так разгулялись!» А Гришка отвечает: «А как же! Я сегодня, с Валюшкой, пятилетний юбилей супружества отмечаю, понял?»

Ну, мне значит неудобно, конечно, стало, я было за пальто хвататься начал, ведь не знал, без подарка, так, случайно заскочил.

А Гришка на меня: «Что ты, что ты, куда! Оставайся! Оставайся!»

Сижу. Ем. Пью. Разговариваю. Но все равно, как-то неудобно получилось без подарка-то!

И, вдруг, вспоминаю, что мне вчера на сдачу лотерейный билет всучили.

Я возьми, да и скажи:

— Товарищи! Так как я явился экспромтом вроде, то разрешите мне преподнести нашим юбилярам лотерейный билет на счастье, хоть подарок и не дорогой, но многообещающий.

Ну, ладно, вручил. Посмеялись все, пошутили, ну и все, и дальше, значит, гуляли часов до трех ночи.

А потом я про этот подарок и забыл, да и чего его помнить. Билетик какой-то. А тут меня в командировки еще гонять стали, целых полгода дома не был. Наконец, приехал. Иду по городу, радуюсь, и, вдруг, слышу: «Молодой человек, вас не подвезти?»

Оборачиваюсь, мать частная!

В новенькой, этакой голубой, блестящей Волге — Гришка. Я ему: «Что это ты? В шоферы подался что ли?» А он мне: «Зачем в шоферы? Своя!»

— Ну, да, своя!

— Конечно, своя! Помнишь, — говорит, — свой подарок?

— Какой подарок? — спрашиваю.

А он:

— Как какой? Лотерейный билет.

Я можно сказать, остолбенел.

— Это, — говорю, — по тому самому билету?

— Прямо по тому самому, — отвечает.

— Эту самую Волгу и выиграл?

— Прямо эту самую и выиграл.

— Да ты садись, — и шикарно так дверцу распахнул. Залез я внутрь. Мать частная, вот, думаю, за тридцать копеек такое

сооружение на колесах, как в новогодней сказке.

Посмотрел на Гришку, а он важно так сидит, одна рука на баранке, в другой сигарета, а локоть в окне наполовину. Я про себя подумал: «Я бы так не ездил — лихачество!»

Ну, едем потихонечку по улице, и Гришка мне все про Волгу эту рассказывает. И скорость какая, и сколько бензина она жрет, и все такое прочее. А я в окошко смотрю и кругом, как нарочно, рекламные плакаты вижу — «Приобретайте лотерейные билеты! За 30 копеек вы можете стать обладателем Волги!»

Раньше я их и не замечал, а сейчас, ну, как нарочно, в глаза лезут. И ведь не врут! Сам в такой, тридцатикопеечной «Волге» еду.

Едем дальше, и, вдруг, Гришка мне говорит:

— Я теперь каждый раз лотерейные билеты покупаю — хорошая штука.

Я подумал: «О! Жадность одолела человека, одной машины ему мало».

А он достает несколько штук этих билетов и мне предлагает:

— Тяни, — говорит, — любой на счастье, — и этаким веером их развернул. Я только отмахнулся, да ну их, говорю, не верю. А сам на этот веер краем глаза посматриваю. Потом, так небрежно, один вытащил и спрятал, пускай лежит.

Довез меня Гришка до дому, попрощались, а он мне вслед кричит: «Звони, заходи, покатаемся!» Я только отмахнулся.

Ну, неделя, другая прошла.

Разворачиваю я, как-то утром, газету. Смотрю, таблица выигрышей лотереи. Я думаю, дай-ка гляну, у меня, кажись, один билетик есть. Вожу, значит, пальцем по странице, и, вдруг смотрю — номер сходится, гляжу на серию, тоже сходится. Гляжу тогда в графу выигрышей…

И тут такая меня обида взяла, что и передать трудно. В графе выигрышей было написано — «Запорожец».

Да, подумал я, хорош Гришка друг, хорош товарищ, я ему, понимаешь, «Волгу» от души подарил, а он «Запорожцем» отделался. Вот так друзья и проверяются!

Борода

Некоторые считают, что борода — это удобство и украшение. Мол, бриться не надо и вроде как бы мужественности придает. Насчет мужественности — это точно, а вот насчет удобства — это как сказать.

Вот лично у меня из-за бороды одни неприятности вышли.

Отрастил я бороду. Нет, не думайте, что я за модой погнался! Нет! Просто хотелось как-то компенсировать отсутствие прически. Не из чего ее, прическу эту, делать. Ну, ладно, отрастил бороду и ношу, красуюсь.

И тут посылают меня в командировку. Приезжаю на место. Завод огромный, один забор метра три высотой.

Я в проходную и паспорт в окошко протягиваю. А вахтер покрутил, покрутил его и обратно мне выбрасывает со словами:

— Что это вы мне показываете?

— Как что? Паспорт, — отвечаю.

— Чей?

— Мой.

— Ваш?! А почему же тогда, — говорит, — на фотографии изображен бритый, совершенно посторонний гражданин?

— Как же, — говорю, — посторонний? Это — я.

А он мне:

— Вы мне, — говорит, — голову не морочьте, тут изображен молодой человек с чубчиком, а из вас чубчика и быть не может. — И бац окошком.

Но я тоже, между прочим, с характером, опять окошко открываю и говорю:

— Ну и что же, что с бородой. Отрастил! Ну и что же, что без чубчика. Вылез он, чубчик, со временем. А общий, общий овал лица и прочие детали разве не похожи?

— А у вас овала и прочих деталей из-за бороды и не видно, отойдите, не мешайте работать. — И стал чайник на плитку ставить.

Тут я по пояс в окошко влез и кричу:

— Да вы в глаза, в глаза мне посмотрите, ведь как две капли воды с изображением.

А он спокойно так заварку в чайник насыпает и говорит:

— Что я, окулист, что ли, в глаза смотреть. Пройдите, гражданин, по-хорошему.

Я тут совсем криком изошел.

— Вот, — кричу, — посмотрите, уши, уши как похожи, тоже маленькие и слегка оттопыренные. Посмотрите. А он мне опять

невозмутимо так отвечает:

— Если я всех по ушам на завод пускать буду, так что же это получится? Не пущу — и все. Приметы у вас не сходятся.

Дальше я и не помню, что было. Помню только, что в ближайшем отделении милиции мое сходство с паспортом подтвердили.

— Он, — сказали, — точно он.

На завод я попал к вечеру.

И теперь, если мне в командировку куда ехать, я с собой целый набор документов беру, где я во всех видах запечатлен. И с бородой, и в очках, и с чубчиком. На всякий случай!

Одной левой

Если на карте мира уже давно не осталось неизведанных белых пятен, то в женской логике их сколько хочешь. Только открывай и удивляйся, удивляйся и открывай, и нет им конца и края, короче говоря, женская логика — это — понятие космическое, так сказать, масштаба Вселенной. За примером далеко ходить не надо.

У Маши было два друга — Саша и Паша. Саша — это цветущий, пятьдесят четвертого размера мужчина, рост без пятнадцати два, возраст тридцать с небольшим, и, как говорится, лицо кирпича просит. Короче говоря — образец мужества, красоты и геройства.

А Паша — это такой хлюпик, метр с кепкой, ноги колесом, грудь тарелкой, нос утюгом, короче говоря — антипод образцово-показательному Саше.

И что же вы думаете? При выяснении личных взаимоотношений, хлюпик Паша напрочь забил образцово-показательного Сашу.

А виной тому — женская логика. Дело было так.

Целый год Маша не могла отдать предпочтение ни образцово-показательному Саше, ни хлюпику Паше. Саша ей нравился силой, красотой и статью, а Паша — совсем другим.

И если Саша всегда говорил: «Это мне одной левой!», то Паша отвечал неопределенно: «Подумать надо».

Конечно, по логике, куда Паше до Саши, чего тут выбирать! Но речь то идет о женской логике. Вот и ходили они всегда втроем. Посредине Маша, а по бокам Саша и Паша.

И вот однажды, посмотрев старый-старый фильм «Подвиги Геракла», вышли они из кинотеатра на улицу и стали обсуждать фильм.

Саша восхищался Гераклом, и тем, что Геракл всех — одной левой. На что Паша заявил: «Удивляюсь, как в наше время прогресса и автоматики, можно восхищаться какими-то бицепсами?»

— У Геракла очень красивая фигура, — возразила Маша.

— Что может быть красивого в мясе? Человек должен быть красив мыслью, — отпарировал Паша.

— Не спорьте с ним, Маша, это ему не понять, — с улыбкой заметил Саша.

— Вам, конечно, понятней, вы от Геракла недалеко ушли, — резко ответил Паша.

— Да! И горжусь этим, — выпалил Саша.

— Мальчики не ссорьтесь, — успокаивала их Маша.

— А чего с ним ссориться! Ведь я его одной левой, — заявил Саша и захохотал.

— А я его интеллектом задавлю, — с достоинством ответил Паша.

Маша хихикнула. Ей становилось интересно. Ей бы, по логике, остановить друзей и заявить, что, безусловно, мужская красота — это — объем и мощь бицепсов и орлиность взгляда. Но Маша только хихикнула. А Паша очень авторитетно сообщил, что давно уже доказано, что количество мозговой массы, абсолютно не зависит от количества мышечной.

— Вы что же, Паша, против спорта и спортсменов? — спросила его Маша.

— Да, я против спорта ради спорта, — и Паша сделал такой вид, как будто у него бицепсы как у Саши.

— Я за спорт для здоровья, — и Паша принял свой обычный вид.

— А у меня здоровья навалом, — прервал Саша, не то что у вас, одни мослы. Ха!

— Просто у меня сила не выше разума, — гордо ответил Паша.

— Что? Повтори! — и Саша протянул руки к лацканам пашиного пиджака.

— Саша! Вас никто руками не трогал, — взвизгнула Маша.

— А что же он меня дураком обозвал, — закричал в ответ Саша.

— Во-первых, я этого не слышала, а во-вторых, и словами ответить можно, — разгорячилась Маша.

— Кому вы объясняете, Маша, ведь он — питекантроп доисторический, — крикнул тут Паша.

— Сам такой, — обиделся Саша!

Маша прыснула.

— Да, да, да! Вы — вымерший динозавр, — кричал Паша.

— Сам такой!

— Вы, вы, вы, просто парнокопытное млекопитающее, — наседал Паша.

— А вот за парнокопытного бить буду, — закричал образцовый Саша.

— Что вы, Саша, нервничаете, — сказала Маша, загораживая Пашу собой. — Вы же культурный человек. Кто же решает спор кулаками?

— А он, он просто, просто, букашка, — выпалил Саша и вытер со лба пот.

Маша смеялась.

— А вы — орангутан, павиан, бабуин и, одновременно, человекообразная горилла! — и Паша, постучав себя по лбу и по стене дома, мимо которого они проходили, ткнул пальцем в направлении Саши.

Образцово-показательный Саша остановился и стал засучивать рукава.

Паша сказал: «Посмотрите, Маша, на этого троглодита, этого синантропа, этого ихтиозавра. Что в нем от человека?»

Маша хохотала до слез и с интересом поглядывала на хилого Пашу, прижимаясь к нему плечом.

Увидев это, Саша опустил голову, и крупные капли пота упали на носки его ботинок.

Саша молчал. Он был разбит, подавлен и деморализован, и, прежде всего, машиным смехом.

Ведь по логике Маша должна была броситься на грудь к красавцу Саше и сказать: «Не слушай, любимый, этого хиляка, он все это со зла», — но Маша только смеялась. И Саша ушел.

А Маша осталась с Пашей. А ведь Саша Пашу — одной левой.

Человек все может

Открываю я каждый день газету, и такая меня обида берет, прямо плакать хочется.

Каждый день кто-нибудь прославляется.

Обязательно про кого-нибудь такая статья написана, что аж мурашки по коже. А иногда даже портрет помещен!

Один — угля за троих нарубал. Слава!

Другой — двух детей со старушкой из пожара вынес. Слава!

Третий — в высоту почти на три метра прыгнул. Тоже слава!

В общем все что-то такое невероятное делают, чего-то такого потрясающего добиваются.

А я что делаю, чего я добиваюсь?

Да ничего? Работаю и все. И никто обо мне не знает, как будто меня и нет вовсе. Обидно!

А ведь ничто так не украшает человека как слава.

Слава!!! Слово-то какое!

И решил я прославиться. Только вот, думаю, как? Способов, конечно, много, но все они какие-то такие, что мне не подходят. Полюсы давно пооткрывали, в космос меня запускать не собираются, да и в таблице Менделеева свободной клетки не осталось. А на моей работе — и.о. инженера, тоже прославиться трудно.

Стал тогда я книги из серии «Жизнь замечательных людей» читать. Тоже не то. Долго!

Начал я тогда, честно говоря, момент ловить. По пляжам ходить стал. Может, думаю, кто захлебываться начнет — спасу. Ну и слава, тут как тут. Где там! Народ теперь пошел спортивный, совсем не тонет.

Тогда стал специально на работу и с работы пешком ходить. Думаю, может какую зазевавшуюся старушку из-под общественного транспорта вытащу. И сразу, герой! Вытащишь, как же! Сейчас всюду туннелей понарыли, и все старушки только по этим туннелям и шныряют.

В общем, обходит меня слава стороной, и все тут.

Как говорится, близок локоть, да не укусишь!

Сказал я это себе, и меня, словно током, ударило.

«Как это, — думаю, — не укусишь!» Попробовал, правда, укусить трудно. Но, наверное, можно! Невозможного нет!

И я решил. Укушу свой локоть, хотя бы левый.

Во-первых, опровергну пословицу, во-вторых — докажу неограниченные возможности человека, а, в-третьих — прославлюсь.

И я начал тренироваться.

Неделя, вторая, третья — безуспешно.

Четвертая, пятая, шестая — больших сдвигов не видно.

Седьмая, восьмая — я близок к цели.

Девятая, десятая… Ура!!! Я укусил свой локоть.

Тут же я помчался в редакцию газеты.

«Через пять минут обо мне будут стучать все телетайпы, мира!» — думал я на бегу.

Когда через некоторое время, я вновь оказался на улице, телетайпы молчали.

Да, трудно у нас прославиться! Но я не унываю. Сейчас я тренируюсь поворачивать голову на 180 градусов, и на собственные уши без зеркала смотреть. Вы обо мне еще услышите! Ведь говорят, что человек все может.

Коньки

Из всех зимних видов спорта, я предпочитаю коньки. А почему? Вот лыжи, например. Так там же ведь лыжи, палки, крепления, мази всякие и все отдельно. А тут ботинки и коньки, и все, одел и катись, если можешь. Вот даже, допустим, упал. Так на лыжах у тебя палки в одну сторону, лыжи в другую — бегай, собирай. А на коньках нет, упал и лежи спокойно, никуда коньки не денутся, некуда им деться.

Опять же, лыжи, пара пустяков сломать. Фанера. Да и палки — хлипкая штука. А коньки нет. Коньки даже нарочно трудно сломать, потому что они стальные, каленые, да еще и нержавеющие.

Чтобы на лыжах покататься, ты должен еще в электричке или автобусе часа два ехать. А на коньках? Где хочешь катайся, сейчас в каждом дворе катки. Да и до парка доехать пустяк. А там музыки, буфеты, скамейки. Захотел — кофейку попил, захотел — на скамейке посидел, отдохнул. А на лыжах нет. Там тебе ни буфетов, ни скамеек, там иди и иди. И, конечно, главный плюс у коньков, это, что они мало места занимают. С ними ведь в любом транспорте удобно и легко.

Ну, а дома с ними вообще одна благодать. Лыжи куда не поставь, всюду мешают, падают, гремят. А коньки что? Их на гвоздь повесил и все, и порядок. Вон у меня уже лет пять где-то лежат и никому не мешают.

Сапоги

Стал я в последнее время, что-то уж слишком поправляться. Ну, каждый месяц на килограмм, а то и на два. Что делать?

Конечно, есть много способов похудеть. Но все они такие, что и врагу не пожелаешь, не то что себе. То не ешь неделю, то не пей месяц или еще какие упражнения, что вообще весь организм повредить можно. Короче говоря — одно мученье.

Купил я весы и стал зарядку делать получасовую, все равно не помогает. Поправляюсь.

И тут мне мой сосед говорит.

— Слушай. Вот вместо того, чтобы так над собой измываться и весь дом по утрам шатать, ты бы лучше в туристические походы ходил, очень, между прочим, помогает. Хочешь я тебя запишу?

Я подумал, подумал: «Ладно», — говорю: «Записывай!»

Готовлюсь. Все у меня для похода есть, кроме кед. А в магазине мои размеры отсутствуют.

И тут я вспомнил, что у меня есть резиновые сапоги. Это я их давно еще приобрел, чтобы электропробки чинить. Чем не походная обувь! В воскресенье отправились. Сначала на электричке километров тридцать ехали, потом пешком. Километров пять прошли, устал с непривычки. Отдуваюсь. Но вообще хорошо. Природа, воздух, дождик моросит.

Я одного спрашиваю: — Долго еще идти?

— Порядочно, — отвечает.

Иду.

Ну, и сапоги у меня! Из чего их делают? Наверное чугун для прочности добавляют.

Вдруг все встали. Что такое?

— Речка, — говорит, — от дождей разлилась. Пройти нельзя. А в обход километров пять топтаться. И, вдруг, этот мой сосед говорит.

— Есть выход!

Все конечно: — Где? Как?

— А вот, — говорит, — смотрите, — и на меня показывает.

— Он в сапогах, он всех и перенесет, тут мелко. Малый здоровый.

Все обрадовались, веселятся. Один я мрачный. Попал, думаю. И стал я их таскать. А их человек тридцать, а может сорок. Некоторых, которые полегче — по двое. Пот с меня градом. А я все таскаю. Этих… туристов!

А потом мы еще километров десять топали, до привала. Приехал я домой, снял сапоги и упал на диван. Лежу. Потом

думаю, дай на весы встану, проверю. Встал. Мать честная! Пять килограмм, как не бывало. Ура!!!

Значит не врал сосед. Точно. Ну, конечно, килограмма три я за счет сапог сбросил, но все равно здорово.

Все, становлюсь туристом. В походы, в походы, в походы!

Ну, между прочим, в сапогах вы меня больше не увидите. Все!

Я их соседу подарил.

Жертва

Вечно я попадаю во всякие истории, а все потому, что я — очень доверчивый и любознательный. Вот тут недавно вычитал я где-то, что очень полезно ходить пешком. Так и написано: «Ходи пешком и будешь здоровым как бык, а может еще здоровее». Вычитал и решил:

— Все, начинаю оздоровляться, с понедельника.

А у меня слова с делом не расходятся. Выхожу в понедельник с работы и только собрался идти, смотрю судаков свежемороженых дают. Я — раз и в очередь. А сам думаю:

— Э! Режим нарушаю. Ну, нет, нет! Очередь — человек пятьдесять, ладно постою.

Взял судака в газетку и пошел. А он ледяной, пальцы мерзнут, ну, ничего, быстрее пойду. Там так и написано: «Чем быстрее — тем лучше!»

Иду! А чего мне улицей идти, пойду парком. Правда, крюк 10 минут, зато природа! Иду парком и чувствую, что шаг за шагом здоровею. Только судак мешается. Я его подмышку взял, так он мне весь бок проморозил. Как бы воспаление легких не схватить. Лучше в руку возьму.

А воздух какой! Скамейки! Сесть что ли, закурить? Нет, нет, надо идти. Левой — правой, левой — правой. Ну, воздух! Аромат!

Вдруг смотрю, на встречу мне толпа бежит. Что такое? Ты смотри! Раз, два, три, четыре… Да, человек двадцать, а то и тридцать. Куда это они? Может ловят кого? Интересно! А может парк закрывается, на выход спешат? Нет, еще рано! А кто его знает, все может быть. Будешь потом вдоль забора циркулировать. Надо спросить. Сейчас догоню и спрошу.

Догоняю последнего — парнишка лет 20, а может больше.

— Слушай, парень, куда это вы?

А он мне: — Не мешайте!

— Ты гляди, не мешайте. Чудик!

Бегу дальше.

Уж в самую гущу толпы врезался. Толкаюсь. Фу! О! Женщина симпатичная такая бежит, лет сорока, в очках. Спрашиваю:

— Извините, далеко?

А она мне:

— Не мешайте, гражданин, — и очками на меня сверкнула.

Вот народ! Жалко ответить. Ладно! Все равно узнаю. Вон дяденька впереди бежит. Профессор, наверное, или даже академик. Очень уж выражение лица научное.

Догоняю его и бегу рядом. Правда, дух уже захватывает.

Тяжело без привычки.

А судак на ходу хвостом виляет. Как живой! Видно оттаивать стал.

Бегу. Набрался смелости, спрашиваю:

— Простите, куда направляемся!

А профессор, или вернее академик, на меня только посмотрел и ничего не ответил. А глаза умные-умные. Мне даже не по себе стало, чуть судака не выронил.

Гляжу, а уж и выход из парка, откуда я начинал.

Выбежали из парка. Профессор этот, как скомандует:

— Стой! На месте шагом марш!

А мне говорит:

— Отойдите, товарищ, не мешайте!

Мать честная, во что же это я влип?

Отошел. Сел на лавочку, закурил и смотрю на этих. И тут старичок какой-то мне говорит:

— Это институт долголетия опыты на людях проводит. У них теория! Хочешь долго жить — бегай. Вот, каждый день и бегают!

Разозлился я страшно. Значит, выходит, что я стал, вроде как бы, жертвой эксперимента.

Ведь не пойди я, не побежал бы. Да еще судаком измазался, он таять стал, капает. Сел я в автобус. Окна открыты, прохладно. Сижу. Еду. Вот где здоровье-то сохранять. А где судак? Тьфу ты! Я его на скамейке забыл. Ну, и черт с ним. Да, вообще, кто это придумал. Ходить, бегать…

Зачем тогда городской транспорт, метро зачем понарыли? А для того, чтобы люди здоровье свое берегли, ездили, отдыхали и поменьше ходили пешком.

Жуткий случай

Мы с моим приятелем Вовкой, как с работы идем, друг другу всякие истории рассказываем. А он — дотошный, ну ничему не верит. И вот вчера мы с ним окончательно поссорились.

Стал я рассказывать, как к тетке на день рождения ездил.

— Значит, — говорю ему, — я с поезда слез и в сани…

А Вовка:

— Откуда там сани, ты что?

А я ему:

— А вот там сани и все. Не дошла еще цивилизация. Ну, сел, значит, еду… А уже стемнело. Сани летят как такси. Я сумку с продуктами к себе прижал, бутылки на ухабах булькают, ветер в ушах свистит. И вдруг, смотрю я, какие-то огоньки нас догоняют. Я ямщику говорю:

— Смотри, кто-то курит на ходу.

Он обернулся.

— Ха! Курит! Да это — волки!!!

Я так и обмер.

А огоньки все ближе, ближе, уж метров десять осталось, смотрю, — и правда — они, четыре штуки, здоровенные. Я ямщику кричу:

— Гони!

А он мне:

— Нельзя скорость превышать, не положено.

Я ему:

— Да ведь сожрут.

А он:

— Да. Могут. Недавно целую машину лыжников съели.

— Что же делать? — кричу.

— А ничего. Видно, судьба.

А они все ближе, ближе. Я ноги под себя поджал, дрожу. А ямщик мне кричит:

— А ты им из харчей чего-нибудь кинь, вон у тебя полная торба, может поотстанут.

Я кричу:

— Не могу, на день рождения еду, все для гостей.

— Ну тогда вместе с харчами и сожрут, — прокричал ямщик, не оборачиваясь.

А они уже совсем близко, глаза голодные.

Я взял, ну, прямо от сердца оторвал, и целый килограмм «Любительской» колбасы бросил.

— Порезанная? — перебил меня Вовка.

— Нет, куском, — ответил я и продолжал: — Поотстали. Понравилось. Еще бы! Я и сам эту «Любительскую» могу килограммами есть.

Минуты две-три прошло, опять догоняют. Я им еще кило сосисок скормил.

— Свиных? — спросил Вовка.

— Нет, молочных.

— А!

— Потом пошло. Буженину по ломтику 600 граммов повыкидывал, ветчины около килограмма было, вся постная. А они бегут и бегут с новой силой — разохотились.

Ямщик кричит:

— Ты им «Экстру» брось! Отстанут.

Я ему прямо со слезами:

— Да зачем им, ведь не пьют.

— А я тебе говорю: бросай, эти пьют.

Бросил. Мать честная! Один, значит, пробку так лапой отковырнул и прямо всю поллитру из горлышка и высадил. А другие несутся во всю прыть.

— Ну, волки! Мало, что волки, еще и алкоголики. Так все четыре бутылки и выбросил. Обидно!

— Еще бы! — вставил тут Вовка.

Вдруг ямщик тормозит.

— Тпру…

Я ору:

— Ты что?

А он мне:

— Светофор. Что ж я, на красный попру?

— Откуда здесь светофор, что ты?

— А теперь всюду. Культура!

— Сожрут! — ору.

— Не! Они сейчас тоже станут, привыкли, понимают.

И верно. Встали, с ноги на ногу переминаются, морды противные. А главное, ни в одном глазу.

Тронулись.

— Ну, старик, — говорю, — теперь на тебя вся надежда, мясное кончилось, одни кондитерские изделия и фрукты остались. Гони!

А он мне:

— А они и это тоже жрут.

А волки так дружно бегут, в колонну по четыре. Догоняют. Я им печенье с конфетами вперемежку горстями швыряю. А они бегут, печеньем хрустят и фантики на ходу выплевывают. Соображают гады. А у меня еще бутылка шампанского была. Ну,

думаю, сейчас я вас пугну. Взболтал я ее, как бухну. А они ничего, бегут, только чихают на ходу.

— В нос им ударило, без привычки. Конечно, несерьезный напиток, — пояснил ямщик.

Обернулся, смотрю, совсем уж близко. И вдруг ямщик налево свернул. Я ему:

— Так прямиком-то ближе.

А он:

— Нельзя, — отвечает, — одностороннее.

Так мне это одностороннее торта стоило. В общем, все выкинул, все. Пустая сумка. А волки наседают, и уж вижу, один к прыжку готовится.

Ямщик кричит:

— Теперь конец.

Тут сани как дернет, я и вылетел. Упал я лицом в снег, лежу. Чувствую, меня за плечо уже хвать и трясут.

— Началось, — думаю. — Открываю один глаз, смотрю, ямщик надо мной стоит.

— А где эти? — спрашиваю.

А он мне:

— Бутылки побежали сдавать, не до тебя им.

Я, значит…

— Ну, ладно, хватит врать, — оборвал тут меня Вовка.

— Чего это «врать»?! — обиделся я.

— А то, что эти волки убежать не могли.

— Почему? — удивился я.

— А потому, что посуду после девятнадцати не принимают, а только в обмен берут. Вот!

Список фильмов

1965 год
Председатель
Таежный десант
Время, вперед!
Человек доброй души
Три времени года

1967 год
Женя, Женечка и «катюша»
В огне брода нет

1968 год
Золотой теленок
Хозяин тайги

1969 год
Адъютант его превосходительства
Освобождение

1970 год
Хозяин
О друзьях-товарищах

1971 год
Молодые
Даурия
Русское поле
Расскажи мне о себе

1972 год
Дела давно минувших дней
Инженер Прончатов
Пятая четверть

1973–1976 г.г.
Дума о Ковпаке

1973 год
С весельем и отвагой
Хлеб пахнет порохом
Я служу на границе

1974 год
Еще можно успеть
Земляки
Последний день зимы

1974–1977 г.г.
Вечный зов

1975 год
Звезда пленительного счастья
Единственная
На ясный огонь

1976 год
Сказ про то, как царь Петр арапа женил
Не может быть
Сын председателя
Приключения Нуки
Алмазы для Марии

1977 год
Степь
В зоне особого внимания
Инкогнито из Петербурга

1978 год
По улицам комод водили
Целуются зори
Переезд
Завьяловские чудики

1979 год
На таежных ветрах
Летние гастроли
Гараж
Маленькие трагедии
Здесь, на своей земле
Дачная поездка сержанта Цибули
Жил-был настройщик

1980 год
Вечерний лабиринт
Крах операции «Террор»

1981 год
Александр маленький
Шляпа
Фронт в тылу врага
Брелок с секретом
Личной безопасности не гарантирую

1982 год
Василий Буслаев
Нам здесь жить
Однолюбы
Спортлото — 82

1983 год
Без особого риска
Витя Глушаков — друг апачей
Первая конная
Белые росы
Фитиль № 248
Фитиль № 251
Вечный зов (фильм второй)

1984 год
Зудов, вы уволены
Ералаш № 47

1985 год
Русь изначальная
Право любить
Воскресный папа
Что такое «Ералаш»
Опасно для жизни
Фитиль № 273
Фитиль № 275

1986 год
Зловредное воскресенье
Самая обаятельная и привлекательная
Фитиль № 289
Птичье молоко
Нужные люди
Хорошо сидим!
Без солнца

Фитиль № 291

1987 год
Ночной экипаж
Фитиль № 302
Ералаш № 62

1988 год
Светлая личность
Из жизни Федора Кузькина
Артистка из Грибова

1989 год
Частный детектив, или операция «Кооперация»

1990 год
Любовь немолодого человека
Тайна золотого брегета

1991 год
Аферисты
Говорящая обезьяна
Дура
И черт с нами
Исчадье ада
Болотная стрит, или Средство против секса

1992 год
Новый Одеон
На Дерибасовской хорошая погода, или На Брайтон-бич опять идут дожди
Наш американский Боря

1993 год
Русский бизнес
Русское чудо
Простодушный

1994 год
Русский счет
Третий не лишний

1995 год
Ширли-Мырли

1996 год
Импотент

1997 год
Хрусталев, машину

1998 год
Примадонна Мэри
Когда все свои

1999 год
Ультиматум
Ералаш

2000 год
День святого Валентина